

Карина Волк

Архангел

«Литнет»

2020

Волк К.

Архангел / К. Волк — «Литнет», 2020

– Кричи. Объяснишь сотрудникам правопорядка, почему у тебя поддельные документы. Включая, свидетельство о рождение ребёнка. Они тебя обеспечат транспортом и домом, двоечку впаяют за подлог.– Серёжу отпусти, он не виноват, – с тоской прошу я и непроизвольно поворачиваю голову в сторону, где ранее располагался друг. – Что? – выкрикиваю я и бегло осматриваю здание, отчаянно ища глазами Воробьёва. Без особого желания разворачиваюсь всем телом, к Архангельскому.– За друга своего переживаешь? Предателя защищаешь. Сильно, – презрительно произнёс Архангел.– Он не предатель. Серёжа будет повешен за преданность, нежели за предательство, – решительно без капли сомнения, возразила я.– Правда, а как ты объяснишь, что я так быстро обнаружил твоё местонахождение. Или, может, ты ещё кому-то, сообщила, что прибываешь в страну? – настаивал Архангел, усиливая моё недоверие.

Содержание

Глава 1. Архангел	5
Глава 1.1 Архангел.	16
Глава 2. Ангел	29
Глава 3. Наташа	34
Глава 4. Архангел.	42
Глава 5. Наташа	48
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Глава 1. Архангел

– Кричи, – эмоционально заявляет он и переводит, на меня взгляд, которой опять наполнился ненавистью и гневом. – Объяснишь сотрудникам правоохранительного порядка, почему у тебя поддельные документы. Включая, свидетельство о рождении ребёнка. Они тебя обеспечат транспортом и домом, двоичку впают за подлог.

Архангел красочно описывает мои перспективы, что заставляет меня ещё более интенсивнее дышать, жадного поглощать воздух. Мозг лихорадочно ищет пути решения, но никаких верных предложений выдать мне не может.

– Серёжу отпусти, он не виноват, – с тоской прошу я и непроизвольно поворачиваю голову в сторону, где ранее располагался друг.

– Что? – выкрикиваю я и бегло осматриваю здание, отчаянно ищу глазами Воробьёва.

Без особого желания разворачиваюсь всем телом, к Архангельскому. – За друга своего переживаешь? – поднимаю голову и вижу наглую ухмылку на лице Архангельского. Ловлю себя на мысли, что он весьма привлекательный мужчина, харизматичный и обаятельный. Высокого роста, стройный, при этом его фигура достаточно крупная, массивные, широкие плечи, накаченные руки, от него исходила сильная мужская аура. Я перевела взгляд на руки и осознала, что крепкие, сильные, изящные, призванные защищать и оберегать. Но вместо этого он использует свой потенциал на совершение кровавых дел. Его внешность противоречит внутреннему миру, который находится во мраке, душа этого человека погрязла в разврате, сердце ожесточилось, а мышление стало настолько хладнокровным, что не способно принять или даже допустить мысли о милосердии.

– Предателя защищаешь. Сильно, – презрительно произнёс Архангел.

– Он не предатель. Серёжа будет повешен за преданность, нежелеза за предательство, – решительно без капли сомнения, возразила я. У самой же появилось подозрительность. Моё эмоциональное состояние давало негативную оценку происходящим событиям, в особенности другу.

– Правда, а как ты объяснишь, что я так быстро обнаружил твоё местонахождение. Или, может, ты ещё кому-то, сообщила, что прибываешь в страну? – настаивал Архангел, усиливая моё недоверие.

– Дорогая, передай мне малыша, – слышался нежный голос за спиной, и я почувствовала, что на моё плечо опустилась тёплая рука. – Не совершай необдуманных поступков. Никто не причинит тебе вреда и уж тем более красавице-дочке.

Плавнo повернула голову и увидела Ангелину, которая гладила моё плечо, пытаясь успокоить меня.

– Ребёнка передай Ангелине, быстро, – глухо прорычал Архангел и расставил руки по бокам, как бы невзначай отодвигая распахнутую куртку.

Наклонила голову и увидела на теле мужчины кобуру. Непроизвольно сделала несколько шагов назад, наткнувшись на чемодан.

– Не надо. Делай, как говорят, и мы обойдёмся..., – Ангелина резко замолкает и встревоженно оглядывает Архангела.

– Без лишних жертв, – мгновенно заканчивает фразу Архангельский и кивком головы указывает Ангелине, чтобы она забрала ребёнка.

– Ты как с оружием прошёл на территорию аэропорта? – свирепо зашипела я. – Окончательно рассудка лишился, решил пристрелить меня в общественном месте?

– Не говори глупостей, – растерянно зашептала Ангелина, – это вынужденные меры защиты.

– Я не отдам ребёнка, – безапелляционно заявила я. – Пусть Серёжа вернуться к нам, и мы спокойно уедем. Потом, когда я встречу с Настей, обещаю, я поговорю с тобой, Алексей.

– Ты что, кукла, условия решила выдвигать. Обернись, Наташа, ты не в том положении, чтобы диктовать условия, – с чувством превосходства провозгласил Архангельский.

– Умоляю, Наташа, отдай ребёнка и прояви смирение, – прошептала Ангелина и протянула руки.

Одобрительно покачала головой, Ангелине я доверяла безоговорочно, она единственный человек, который помог в трудную минуту, ничего не прося взамен.

– Ангел, вручаю тебе самое ценное и дорогое, что у меня есть в этой жизни, – промолвила я и, поцеловав мягкую пухлую щёчку дочери, передала малышку.

Архангел только этого и ждал, он молниеносно подскочил ко мне и мёртвой хваткой, вцепившись в моей локоть, прорычал, – теперь я с тобой нянчиться не буду. – Ни звука, поняла, заткнись и в гробовой тишине перебирай своими стройными ножками.

– Серёжа, – прокричала я и попыталась вырвать руку, но мужчина, проигнорировав и мои крики, и мои попытки освободиться, он словно бездушиная машина, потащил меня вперёд.

– Лёша, пожалуйста, не трогай безвинного человека, – следуя за Архангельским, жалобно простонала я.

После услышанной фразы Архангел резко останавливается, причём так неожиданно, что я буквально впечатываюсь в его налитую сталью плоть.

Мне пора. Спасибо за гостеприимство, но время уже позднее, – Наташа смущённо поправила волосы, отрешённо глядя в одну точку, откровенно выражая полное безразличие.

Вот же зараза. Я буквально с ума схожу от этой несносной, высокомерной девицы, а она только и делает, что от меня свой маленький, аккуратненький носик ворчит. Дрянь! И что я с ней нянчусь. Любую другую давным-давно бы послал к чертям собачьим... Любую другую, но её не могу. Она слишком сильно запала мне в душу. Стала моей наващивай идеей.

Проклятая, высокомерная девица! Совершенно негибкая, непрошибаемая...

Наташа выстроила между нами стену, которую отчаянно пытаюсь пробить, но сделать ничего не могу. Расшибаю голову в кровь, ломаю кости, но она продолжает упрямо демонстрировать полное безразличие ко мне.

Реально, безразлична или просто профессионально изображает холодное, убивающее меня равнодушие!

С откровенным сексуальным интересом и возжеланием осмотрел несговорчивую девочку.

– Наташа, оставайся сегодня у меня. Посмотри, какой дождь льёт, – сама погода благоволила мне, позволяя высказать более-менее вразумительные аргументы для того, чтобы Наташа осталась в моём доме. – На улице уже кромешная тьма. Завтра с утра я отвезу тебя домой. Пожалуйста, прими моё предложение, – невольно голос стал более мягким и проникновенным.

Должен признать, что рядом с ней невольно становлюсь более нежным и ласковым, она, сама того не понимая, вытягивает из глубин моей души самые светлые, добрые чувства.

Девушка возмущённо подняла глаза.

От её огненного, проникновенного взгляда становилось жарко, не мог оторвать жадного взгляда от её пленительных, манящих губ, которые так и требовали попробовать их на вкус. Всем своим недовольным, возмущённым видом она меня соблазняла, провоцировала. Какую же невероятную железную выдержку приходилось проявлять, находясь рядом с этой трепетной, сладкой девочкой. И чего она ломается? Добровольно отказывается от получения удовольствия и наслаждения. А может, просто играет? Лишний раз себе цену набивает?

Б...во! Как же я хотел эту малышку.

– Думаю, что мне лучше поехать домой, – спокойно, но очень утвердительно, заявила она, будто бы ощущая опасность, стремясь избавиться от меня, как можно быстрее, не желая провоцировать и усугублять ситуацию, которая с каждой секундой накалялась до предела и грозила выйти за рамки приличий. – Но спасибо за предложение.

Б...ь! Опять от Наташи повеяло холодом, всю душу наизнанку выворачивал, а в результате получал проклятые дипломатичные ответы, неуместную благодарность.

Наташа прекрасно знала о моих чувствах, а главное, она как никто иной понимала, что я от своего не отступлю и рано или поздно, но обязательно добьюсь желаемого... Добьюсь, даже если ради этого мне придётся сломать, унижить, подавить юную, гордую Наталью.

Ей судьбой предназначено быть рядом со мной и по-другому быть не может. И чем быстрее она это поймёт, тем лучше. Лучше прежде всего для неё.

Не желал её принуждать, но упрямство Наташки не оставляло мне выбора. Гордая малышка решила доказать мне, что слишком самостоятельная и независимая и никто, включая меня, не имеет права диктовать ей условия, навязывать своё мнение.

– Не тупи, – огрызнулся я и, сделав пару глотков терпкого виски, поморщился. – В доме огромное количество комнат для гостей, – широко развёл руками. – Выбирай любую. Зачем сопротивляешься? Что тебя так пугает?

Девушка приподняла голову.

– Не знаю. Я привыкла спать дома, – она устало вздохнула. – Прошу, Лёша, не настаивай. Хорошо?

– Я даже готов предоставить тебе самую лучшую комнату с очаровательным видом на голубую реку, – неторопливо поднялся на ноги и приблизился к своей обожаемой, но такой недостижимой богине. – Всё для тебя, Наташка. Пожалуйста, прекрати дистанцироваться от меня. Не строй преграды. Я для тебя вовсе не враг. Ничего плохо тебе не желаю.

Чёрт! Наоборот больше всего на свете хочу, чтобы она прекратила себя контролировать и вместе со мной погрузилась в огромную пучину страстной любви. Готов подарить ей мир наслаждения и сплошного, безграничного удовольствия. Ей стоит лишь кивнуть, и я моментально превращу её мир в настоящую сказку.

Она ни в чём не будет нуждаться. Будет жить как настоящая королева, а за это прошу самую малость. Немного ласки, нежности, её тепла.

Вот что такого в этой девушке есть, что так сводит меня с ума. С виду обычная миловидная, хорошенькая девочка без каких-либо выдающихся внешних данных, но чёрт, как только взглянет на меня своими непокорными, огромными голубыми глазами и улыбнётся пухлыми губами, так сразу хочется волком выть. Моё тело перестает поддаваться голосу разума, член наливается кровью и готов вырваться наружу... Хочу её, и всё!

– На свою комнату намекаешь?

Самодовольно заулыбался прозорливому вопросу Наташи.

– А что? Я как гостеприимный хозяин предлагаю дорогой гостье самые лучшие апартаменты, – нежно провёл ладонью по её плечу и бережно завёл длинный локон её белокурых волос за спину. – Повторяю, Наташка, всё для тебя. Просто скажи, что хочешь, и я всё сделаю.

– Правда, – насмешливо простонала она, – только ты, Алёшенька, забыл уточнить, что вместе с апартаментами с видом на речку ещё прилагается тело хозяина дома. Обозначь цену твоего гостеприимства, – надменно прорычала своенравная девушка. – Скажи прямо, что хочешь от меня. Хватит ходить кругами и изображать из себя прекрасного принца. Тебе такой образ не идёт, – Наташа разгневанно хныкнула, – слишком хорошо тебя знаю.

Девушка решительно подняла руки и отчаянно прижалась ладонями к моей груди, пытаясь оттолкнуть меня, но все её попытки оказались безуспешными, я даже на миллиметр не отделился от желанного тела.

Дрянё, сама же мучается. Чувствую, что хочет меня не меньше чем я её, но нет гордость и себялюбие не позволяет отдаться чувствам. Как же, она у нас правильная девочка с моральными ценностями и еб...чими, на х.й никому не нужными взглядами. Как же, такая благородная девушка позволит себе связаться с криминальным, аморальным типом. Нет, это против правил. Вот брать у меня деньги, молить о помощи, это пожалуйста.

– Ладно. Без проблем, – убрал руки от девушки и сделал пару шагов назад. – Уговаривать тебя не собираюсь. Вызывай такси и пи...й домой. Если тебе так нравится, продолжай строить из себя хладнокровную, бездушную стерву.

Упрямец гордо взмахнула головой.

– И вызову. И с огромным удовольствием по...ю домой, – она мгновенно схватила сотовый телефон и принялась набирать номер такси. – Большие всего на свете хочу домой. Совершила огромную ошибку, когда согласилась приехать к тебе.

Звонко усмехнулся, прекрасно осознавая, что в такую ненастную погоду, с учётом того, что мой дом располагается далеко за городом и дороги далеко не самые хорошие, очень вряд ли что кто-то решится поехать. А даже если ей удастся вызвать такси, то автомобиль подадут не раньше, чем часа через три в лучшем случае.

Терпеливо ожидал пока до моей своенравной девочки дойдёт горькая правда жизни и она наконец-то прекратит проявлять бессмысленное упорство в попытке вызвать такси.

– Ну что? – Пока она яростно пыталась осуществить задуманное, терпеливо смотрел на бунтарку. – Не получается, детка. А я тебя предупреждал. Но ты же у нас девочка умная. Никого не привыкла слушать. Что теперь будешь делать? – Откровенно упивался своей властью, явно забавляясь её беспомощностью, не проявляя ни капли сожаления. – Теперь домой пойдёшь пешком?

Осознав, что спасительный автомобиль не примчится за ней, она гневно нахмурила свои идеальные бровки и, прекратив свои бессмысленные попытки, процедила, – мог бы и помочь. Пусть твои ребята отвезут меня домой.

Лениво взял стакан и вновь наполнил его виски.

– Нет, мальшика. В такую погоду хороший хозяин собаку на улицу не выгонит, – поднял стакан и с откровенной насмешкой на губах преподнёс его ко рту.

– Урод. Ладно. Останусь у тебя до утра. Но предупреждаю, если ты посмеешь приблизиться ко мне, то я..., – девушка нервно сглотнула, встретившись с моим опасным, хищным взглядом.

Даже не притронувшись к виски, поставил стакан на стол.

– Ты что? Что ты сделаешь, моя маленькая, бунтарка? Пожалеешь Насе. Или Соколу наступишь. Говори, не стесняйся, – специально расшатывал Наташу, доводил её до состояния паники. – Что ты сделаешь, Наташа?

Вот в этом была вся Наташа. Она угрожала зверю, даже не задумываясь о последствиях. Смело бросала вызов человеку, который способен в считанные секунды сломить её бунтарский характер. Глупая, наивная куколка, даже близко не понимала, какая угроза над ней нависла. Она слишком долго провоцировала меня. Дразнила. Манила, а потом отталкивала.

– Тебе не стоит проверять, – смело провозгласила она, при этом усердно пытаясь скрыться от моего взора, – если здоровье дорого. Ты меня знаешь, я и убить могу. Не стоит меня провоцировать. Архангел, научись уважать людей. Принимай достойно отказы.

Звонко рассмеялся.

– Знаешь, милая, а я готов умереть. Как там в Нотер - Дам де Пари: «я душу дьяволу продам за ночь с тобой». Вот это про меня. Готов душу продать лишь бы ты оказалась в моих объятиях.

– Прекрати. Ты сам дьявол. И нет у тебя никакой души. И ты тысячу раз доказал мне, что ты лишь бездушный, бессердечный мужчина, которого интересует лишь секс. Женщины для тебя лишь развлечение. И ничего более.

Больно. Больно и обидно слышать подобные фразы от женщины, к которой испытываешь непреодолимое, неконтролируемое желание. Сука, я ещё никогда не ощущал столь искреннего, глубоко чувства ни к одной женщине.

– Наташа, давай начистоту. Чем я для тебя плох. Богатый, успешный. Вроде не урод. А то, что меня интересует секс, – высокомерно и плотоядно усмехнулся, – так это вполне нормально. Любой мужик при виде тебя в первую очередь будет думать о сексе. О твоих стройных ножках, упругой, идеальной груди, – хрипло простонал, красочно представляя свою девочку в обнажённом виде. – Это нормально. Такова мужская природа. Тебя не захочет трахнуть лишь гей и то в этом сомневаюсь.

Девушка снисходительно усмехнулась.

– Ты серьёзно?

– Абсолютно.

– Хорошо. Сам напросился. Слушай, – девушка распрямила плечи и слегка приподняла голову.

Внимательно посмотрел на взволнованную девушку.

– Ты бандит. Преступник. Человеческая жизнь для тебя и гроша, ломаного не стоит. Рядом с тобой опасно находиться. Ясно? Ещё вопросы имеются, – она надменно покачала головой. – Надеюсь, Лёша, я удовлетворила твоё любопытство.

Озлобленно поморщился и хищно оскалится.

Сука, ты не только не удовлетворила моё любопытство, ты усилила все мои невоплощённые, безумные, похотливые желания.

Должен был успокоиться, прийти в себя и не поддаваться на её речи, но мой воспалённый мозг уже вовсю активно демонстрировал развратные картинки с обнажённой, сексуальной, строптивой бунтаркой, которая безропотно покорялась моей власти. Так хотелось схватить надменную девочку за её тонкую талию и, прижав к стене, задрать платье. Она сама вынуждала меня действовать грубо. Ей давным-давно следовало преподать пару уроков воспитания. Заставить стонать от желания, молить о пощаде, обязан был увидеть в её глазах страстных, похотливый огонь, но пока она лишь щедро одаривала меня ненавистным, презренным взглядом.

– Иди, спать. От греха подальше. Прямо по коридору. Вторая дверь направо. Там есть всё, что тебе необходимо.

– Отлично, – фыркнула девушка.

Моментально схватил стакан со стола и залпом осушил его.

Значит я для неё преступник. Убийца. Моральный урод. Конечно, я же ублюдок. Такой, как я недостойн такой чистой и невинной девушки как она.

Вновь схватил стакан и опять заполнил его, но уже до самых краёв.

Хотел напиться. Опьянеть и забыться. Потерял счёт времени. Машинально наливал и моментально осушал один стакан за другим.

Раньше я лишь подсмеивался над своим старым другом Соколом, который с ума сходил от неразделённой любви и готов был на стенку лезть от боли. Реально считал, что ни одна баба недостойна таких страданий и мучений. И вот теперь сам вляпался по самые уши.

– Дрянь, – гневно прохрипел я. – Ну раз я для тебя всё равно конченный ублюдок, то мне терять нечего. Ниже я уже в твоих глазах не упаду.

Плохо контролируя своё поведение, шатающейся походкой пошёл по тёмному коридору и, подойдя к её комнате, замер на пороге. Девушка мирно спала, одеяло было откинута к

стенке, и в тусклом лунном свете, падающем из окна, можно было рассмотреть её стройную фигурку, почти не скрытую ночнушкой.

Сука! Всё души мне встрясла. Мирно спит, пока я медленно сгораю, разлагаюсь на маленькие, острые частички.

Тихо ступая на пол, приблизился к кровати.

Не спешил преступать к делу, мне нравилось, как ели заметно оживает при вдохе её грудь, как она во сне трёт ножками друг о друга. Но вот Наташа как будто почувствовав чужой взгляд, стала переворачиваться на спину.

Действуя инстинктивно, подскочил максимально близко к девушке и зажав ей рот рукой, одновременно прижал коленом к кровати. Наташа молниеносно распахнула испуганные глаза.

– Сука, как же я тебя ненавижу. Дрянь, значит, я для тебя недостаточно хорош. Тебе принца подавай, – злобно рассмеялся, плохо отдавая отчёт своим действиям. – Ну извини, малышка, сегодня и всегда буду трахать тебя только я. Не рыпайся иначе ху...

Не успел я договорить, как мне куда-то в живот с силой ткнулась женская коленка, и сразу же острые зубки впились в палец. Я на секунду замешкался, и перепуганная, но очень ловкая девушка, вывернувшись из-под меня, и крича на весь дом, бросилась к двери.

– Сука, хотел же по-хорошему, – проревел я, лишая Наташу возможности вырваться на свободу.

Прижал беглянку к спасительной дверце, и обхватив рукой сзади за шею, немного придушил, оборвав девичий крик.

Где-то глубоко-глубоко в душе понимал, что веду себя как первобытный, пещерный человек... Нет, хуже, как дикое животное, тупой самец желающий во что бы то ни стало удовлетворить свои похотливые желания. Но остановиться у меня не было никаких сил. Слишком сильно я хотел Наташу, я уже был не в состоянии отступить.

Лицо девушки покраснело, она вцепилась мне в руку своими коготками, попа Наташи давила мне на пах, а голые ступни с силой били по моим ногам.

– Дрянь. Какая я же ты дрянь, – дождался пока сопротивление ослабло, и бросил обмякшее тело на кровать.

Девушка не могла кричать, она конвульсивно хватала ртом воздух и хрипела.

Победно усмехнулся и быстро вытащил из шкафчика наручники, которыми иногда пользовался вовремя сексуальных утех со своими шлюхами.

– Пожалуйста, не надо, – жалобно простонала она, когда я схватил её запястье и приковал наручниками к изголовью кровати. – Лёша, одумайся. Ты пьян.

– Пьян, – звонко прокричал ей в ответ. – Да я реально под самой сильной наркотой нахожусь. И во всём виновата ты. Сука, неприступная и такая недоступная. Вот посмотрим, как ты сейчас будешь говорить. Вернее, кричать.

Включил свет и закрыл плотные шторы.

– Отпусти меня урод! – Заорала окончательно оклемавшись Наташа. – Ты даже не представляешь, как я тебя ненавижу. Тварь. Скотина.

Наташа отчаянно замахала скованными руками и резко дёрнулась пока ещё свободными стройными ножками.

– Ну не такой уж я и урод, очень многим тёлочкам нравлюсь. Девочка моя, успокой свою прыть. Я могу быть нежным и ласковым. Прекрати сопротивляться.

Девушка застыла и интенсивно дыша, провозгласила, – пошёл ты к чёрту. Ублюдок. Ненавижу тебя.

Я смотрел как извивается на кровати стройная девушка, пытаюсь освободить туго-стянутые руки и быстро раздевался.

– Продолжай. Спротивляйся. Мне даже нравится, – схватился за почти невесомую ночнушку, и сильным рывком в стороны разорвал её в клочья.

Секунда и моему пожирательному взору открылись обнажённые женские груди, небольшие, но такие манящие.

Чувствую, как внутри разгорается огонь, моментально придавливаю Наташу всем телом, и припадаю к упругим бугоркам. Девушка из последних сил пытается сбросить меня, брыкается, но ничего у неё не выходит, я вешу, наверное, вдвое больше её. Хватаю ртом слегка розовый сосок, и с силой сосу его, какой замечательный вкус, молодое пахнущее свежестью тело. Оттягиваю губами кожу, подымаюсь выше к трепещущей шейке.

– Скотина. Будь ты проклят. Я никогда тебя не прощу, – Наташа яростно завертела головой из стороны в сторону, её шелковистые волосы распластались по подушке. Силы покидали малышку, но она отчаянно продолжала сопротивляться.

– Малышка, расслабься. Обещаю, тебе будет хорошо. Я не хочу причинять тебе вреда, – ласково целую её шею.

– Тварь. Ненавижу тебя. Ты самый низкий человек, которого я только встречала в своей жизни, – она застыла.

Немного отстранился от неё и ненавистно посмотрел в её равнодушное, холодное лицо.

– Повтори, что ты сказала.

– Я сказала, что ты самый низкий и подлый человек. Мне противно. Мерзко. Я чувствую себя самой грязной женщиной. Ублюдок!

– Ну сучка, сейчас ты за всё ответишь

– Пошёл ты животное! – выкрикивает бойкая стерва.

Мгновенно хватаю за белые трусики и начинаю стягивать, девушка машет ногами пытаясь меня побольнее ударить, ткань трещит, и наконец-то рвётся.

– Не надо! Нет! – В голосе Наташи слышатся нотки отчаянья, но слишком поздно умолять зверя остановиться.

– Раньше надо было думать, – придавливаю коленом бедро девушки и отвожжу вторую ногу.

Плотоядно рассматриваю оголённую женскую плоть, невольно люблюсь лепестками половых губ. Хочется прижаться губами к этому нетронутой ценности, но стоящий колом член, и дикое желание овладеть этой визжащей сучкой пересиливает, и я устраиваюсь между её ножками.

– Б..ь, успокойся. Я всё равно тебя трахну.

Как же она забилась! Стала буквально подбрасывать меня, но надолго её не хватило.

– Аааа! Мама!

Я хотел что-то ответить на крики Наташи, но меня накрыло таким наслаждением, что перехватило дыхание. Я чувствовал, как член прорвал плёву и раздвинул стенки девственной плоти. Сопротивление сразу прекратилось, она даже не кричала, просто ревела. Я лёг на сломенную малышку и продолжил вонзать в её нежное тело.

Она опьяняла похлеще любого алкоголя, дурманила, страсть охватила меня, но всё же я смог побороть безумное желание и действовал максимально аккуратно.

Целовал её заплаканное лицо, ощущая горькие, соленоватый вкус слёз.

Девушка тихонько всхлипывала, и я вдруг ощутил себя самым настоящим подонком.

В её жизни уже не будет постели в лепестках роз, первого секса с любимым парнем, а может быть и мужем. Она отдала свою невинность какому-то мерзавцу, недавнему зеку.

Я целовал вздрагивающие губы и гладил её как ребёнка по голове.

– Ну всё. Всё. Это только первый раз больно.

– Вытащите его. Пожалуйста...

– О! Уже "пожалуйста". Совсем поплыла, малышка, – свирепо подавил сожаление и напроочь убил чувство вины, вспоминая, как совсем недавно она с отвращением смотрела на меня.

Дурман медленно растворялся, чувство наслаждение и удовлетворения улетучивалось, на их место приходило мерзкое, гадкое ощущение.

Плавнo отстранился от девушки и, присев на кровать неспешно начал изучать её истерзанное, измученное тело.

– Ты сама виновата, – заявил я, пытаясь оправдать свой непростительный поступок. – Я хотел по-хорошему.

– Отпусти меня, – отрешённо пробормотала она.

Конечно, я не удовлетворился несколькими минутами наслаждения, но продолжать терзать её невинное тело, больше не мог.

– Почему ты такая? – Мои пальцы всё грубее мяли изгибы Наташиного тела, когда они приближались к её кровотокающей плоти, она начинала дрожать и просить не трогать. От её молящих слов ко мне возвращалось чувство жестокой реальности. – Наташа, у нас всё могло бы быть по-другому, – взял ключ и расстегнул наручники.

Девушка трясущимися руками схватилась за одеяло и притянув его телу, прокричала, – я тебя посажу. Не успокойсь, пока ты не ответишь за свои злодеяния.

Пару секунд смотрел на девушку, а затем неторопливо поднявшись на ноги, натянул брюки и, равнодушно пожав плечами, произнёс, – заявляй. Тебе же хуже будет. Ты ещё не поняла, с кем связалась. Я не похож на добродушного Сокола. Фокусы твоей подружки со мной не пройдут. Знаешь, как в моём мире принято говорить: «нет тела нет дела».

Наташа смотрела на меня с обжигающей ненавистью. Чёрт!

– Ты самый мерзкий, – сбивчиво прошептала она, умело отравляю мою душу, отправляя в самый настоящий ад. – Архангел, – мрачная усмешка скользнула по её губам, – ты горько пожалеешь.

Надменно и самоуверенно приподнял подбородок.

По листьям, опавшим деревья не плачут... Им новые листья подарит весна... Уметь не жалеть... вот поистине счастье... Не плакать о том... что ушло навсегда...

– Я уже очень пожалел, – гневно буркнул. – Пожалел в тот самый момент, когда встретил тебя.

Пронзительно смотрел на девочку и никак не мог понять, когда она меня так зацепила. Ну что в ней такого необычного? Симпатичная, миловидная девушка. Таких тысячи, миллионы и даже больше... Но только не для меня. Твою мать! Проклятая одержимость. Те чувства, которые испытываю к ней самое настоящее безумие.

Отказывался признаваться даже самому себе, что полюбил эту бунтарку. Нет. Любовь точно не про меня.

Любовь — противоположность смерти, любовь — главная причина того, что мы хотим находиться здесь. Что ещё у нас есть? Футбол, ботинки? Но любовь сложная штука, она связана с другими вещами — с одержимостью, сердечной болью, возжеланием и смертью.

Что такое одержимость? Что же это такое? Безумная страсть? Похоть? Заблуждения? То, что мы должны поглотить? То, что поглощает нас? По-моему, одержимость — это завладение. Безжалостное завладение моими мыслями. Иногда я ему рад, а иной раз это случается помимо моей воли. Видел новости, где люди игнорируют штормовое предупреждение. Они выходят на пляж, словно ожидая, надеясь, что их накроет волна. Раньше меня удивляло, что с ними не так? Прислушайтесь к предостережению, уходите, будьте благоразумны. И я понял, почему их тянет на берег. Понял причину. Они не могут оторвать взгляд от стены волны прямо перед собой, потому что волна прекрасна, она пьянит, завораживает, это живое воплощение опасности. И этот момент на берегу, этот шанс поиграть с судьбой, проверить,

сможешь ли ты выстоять перед опасностью, заглянуть ей в глаза и сказать: «Я могу тебя контролировать. Я могу тебя перехитрить. Я могу подчинить тебя своей воле.» Я проиграл. Каждый раз я говорю себе, что мне это не нужно, что я могу контролировать, могу побороть соблазн, могу управлять своими желаниями. Я проиграл. Ноги сами несут меня на берег.

Жадность, гордыня, любовь, женищина — вот что послужило моим падением. Но, как во всех сказках, в этом сладком безумии есть две стороны медали, не так ли? Это «она сказала» и «он сказал». Я понимал, я знал, что быть с ней нерационально. Это было опасно, мягко говоря. Наверное, это было составляющей частью, но однажды меня зацепило. Эта сирена заманила меня на скалистый берег, где она совершила убийство, которое повесила на меня. Она обвиняла меня в том, к чему я не имел отношения, она выставила меня в таком свете, что даже близкие друзья от меня отвернулись. Хуже того, я впустил её в свои мысли, в свою систему. Если так сделать, отказываешься от контроля. Та часть тебя, что лучшие знает, кричит и требует, чтобы ты ушёл, но другая часть не позволяет тебе уйти. Это как гравитация — слишком сильное притяжение. Иногда мне кажется, что я постепенно теряю рассудок, его у меня крадут. И всё же, каждый раз, когда я её вижу, я чувствую всё тот же прилив, всё ту же смесь тоски и радости.

— Запомни, Архангел, однажды ты проснёшься и осознаешь, что совершенно беспомощен, — токсично пролепетала Наташа. — Тебе не помогут никакие деньги. Твоя власть окажется лишь иллюзией. Ты будешь совершенно один.

Слегка нахмурился. Бред.

Нервно выдохнул.

— Держаться за сердце, которое тебе уже не принадлежит... это нелюбовь. Это одержимость, — звонко повторяла девушка. — Чем слабее человек, тем больше он становится одержимым болью других людей, пока сам себя не уничтожит.

Вздрыгнул и суетливо осмотрелся по сторонам.

Сон. Опять этот проклятый кошмар, ужасное воспоминание, разрывающее мне душу.

Повернул голову и, включил небольшой светильник, который располагался возле кровати.

Я потерял единственную женщину, которую по-настоящему любил в своей грёбаной, никчёмной жизни. Наташа ушла от меня, а я даже не успел вымолить у неё прощение и так и не сказал, что люблю её.

Медленно поднялся с кровати и на нестигаемых ногах побрёл на кухню, сейчас у меня было одно-единственное средство, которое хоть на время помогало забыться.

Пил. Беспорядочно жрал вёдрами водку.

— Ты опять, — я даже не успел пригубить спасительной огненной жидкости, как за спиной раздался гневный голос вездесущей Ангелины. — Сколько можно? Ты же себя убиваешь!

Опустил стакан и отчуждённо посмотрел на раздражённого Ангела, который явился ко мне вовсе не из рая, а из самого ада.

— Хватит ворчать. Проходи. Составь компанию.

Девушка решительным шагом приблизилась к столу и, присев возле меня, грустно произнесла, — родной, я понимаю, тебе больно, но Наташу уже не вернуть. Ты должен продолжать жить.

— Жить! Ангелина, легко сказать, — гневно поморщился, чувствуя, как острые когти боли, разрывают моё сердце. Надеюсь, что со временем боль немного утихнет, но она лишь стремительно нарастала. Со смертью любимой женщины моя жизнь превратилась в самый настоящий ад...

— Да! Хватит себя жалеть. Водкой проблему не решить. Наташа умерла, но ты та жив.

Устало откинулся на спинку стула и, вытянув ноги во всю длину, провозгласил, – к сожалению. К моему великому сожалению, я жив и вынужден каждый раз ощущать эту не проходящую, убийственную боль.

Ангелина приподняла глаза к потолку и обратилась к невидимой силе, – боже, дай мне сил! Вот как объяснить этому барану, что нужно продолжать жить.

Усмехнулся.

– Милая, если человек решил, что его жизнь кончена, то ни бог, ни дьявол не смогут его спасти, – потянулся к стакану, но Ангелина молниеносно перехватила мою руку и, крепко сжав пальцами запястье, не позволила даже к нему притронуться.

– Когда бессильны бог и дьявол, в игру вступает Ангел, – на лице девушки заиграла лукавая, обворожительная улыбка. – Больно терять близких. Понимаю, что Наташа запала тебе в душу. Поразила в самое сердце, но она не единственная девушка в этом мире. Лёша, – Ангелина слегка поддалась вперёд, – я люблю тебя. Позволь мне залечить твои раны.

Тяжело вздохнул и, убрав её руку со своего запястья, поднялся на ноги.

Не хотел обижать Ангелину, но и дарить ей ложную надежду не мог. Я и так поступал как самый настоящий эгоист, использовал девушку, хотя никогда не испытывал к ней ничего кроме похотливого желания. Ангелина была достойна большего, нельзя было продолжать наши болезненные отношения, они к чему хорошему не могли нас привести.

– Знаешь, смотрю на Сокола и Настю и радуюсь, – решил уйти от сложного разговора и кардинально поменял тему. – А иногда в груди мелькает отвратительное чувство зависти. Они счастливы. У них крепкая семья. Я же навсегда буду вынужден прозябать во тьме.

Ангелина хитро прищурила глаза.

– Это твой выбор. Ты сам вынуждаешь себя прозябать во тьме. Не отворачивайся от друзей. Позволь помочь тебе.

Опять двадцать пять. Вот же настырная женщина.

– Ангелина, я тебе ничего не могу предложить. Ты пойми я пустой. У меня нет ни сил, ни желания жить. Тебе надо найти достойного мужчину и перестать цепляться за наши прошлые отношения.

Девушка широко улыбнулась и отрицательно покачала головой.

– Нет. Ты не прав. Раньше между нами стояла Наташа. Ты был одержим этой девушкой, но сейчас она ушла. Навсегда покинула этот мир. Глупо страдать по призраку. Она умерла.

Озадаченно провёл пальцами по опухшему лицу.

– Наташа никогда не стояла между нами.

Искренне признался девушке, которую всегда рассматривал лишь в качестве любовницы и то не на постоянной основе. Со временем Ангел стала другом, женщиной на которую я всегда мог опереться.

– Говори что хочешь, – возмущённо произнесла девушка. – Я всё равно буду бороться за нашу любовь. Сейчас скажу жестокие слова, но, – она немного наклонила голову и сурово осмотрела меня, – ты должен раз и навсегда осознать, что твоя любимая женщина умерла. Она не уехала. Не сбежала. Она умерла. Её больше нет.

– Спасибо, за поддержку.

Ангелина печально усмехнулась.

– Извини, но это жестокая правда жизни.

Гнев закипал в груди. Потерял... Лишился всего, что имело смысл. Что толку от власти и денег, если они неспособны вернуть к жизни женщину, которую я любил. Чёрт! Только после того, как потерял Наташку, осознал насколько её любил. Её нежный образ преследует меня и во сне, и наяву. Боль мучает каждую минуту.

Никогда не испытывал себя таким слабым, беззащитным. Что такое отчаяние!? До потери Наташи даже слова такого не знал, а вот теперь...

Когда возникает отчаяние, мы понимаем, что больше ничего не можем сделать. В отчаянии мы всегда испытываем бессилие. До тех пор, пока мы ещё что-то можем, идём к цели, отчаяние не наступает. Отчаяние приходит, когда мы замечаем, что уже поздно: несчастье уже произошло. Оно разрушает то, что ценно.

Отчаявшийся человек близок к самоубийству, потому что всё, что представляет опору, ценность, — ломается. Либо уже сломано, либо я наблюдаю, как оно приходит в упадок и исчезает. Я испытываю боль, когда вижу, что вещи, которые важны, разрушаются. Или я стою посреди руин разрушенной жизни. Больше нет никакой надежды. Что ещё, может, быть? Будущего нет, настоящее — это руины, пропасть.

– Архангел, у тебя ещё есть шанс обрести счастье, – настаивала Ангелина. – Смирись и прими смерть Наташи. Прошу тебя, дай мне хотя бы маленькую надежду, что мы можем быть вместе. Нам дай надежду, – молила женщина, которая никогда не сможет заменить мне любимого человека.

Надежда на счастливую жизнь умерла вместе с Наташкой.

Надежда — это искусство. Это духовное искусство. Рядом с собственной немощью, вместо того чтобы впадать в бессилие или летаргию, можно ещё что-то делать, а именно: не отказываться оттого, что ценно. При этом «делать» означает не внешние действия. Это дело внутренней установки.

Между надеждой и отчаянием существует ещё одно понятие, которое близко отчаянию, а именно: «сдаться». Когда я говорю: «Это больше не имеет смысла», тогда я отказываюсь от ценного. Это близко к депрессии. Когда человек сдаётся, у него больше нет надежды. В равнодушии ещё остаётся немного опоры — пока человек не попадает в пропасть отчаяния. В отчаянии же происходит по-другому: я уже нахожусь в пропасти.

Глава 1.1 Архангел.

«Боль и печаль режет сердце,
Не позволяя сделать вдох,
И все сильнее напрягаю слух, в надежде услышать твой звонкий голос,
В ответ лишь гробовая тишина и скорбное биенье сердце,
Не удержался и разрывая тишину, кричу
бесшумно перебирая пересохшими губами:
«...не уходи..., а если вдруг уйдёшь, тогда не возвращайся...»».

Кровь, словно огненная лава, несётся по моему возбуждённому телу.
Но безжалостные воспоминания холодят душу, заставляют вновь и вновь возвращаться в ужасное прошлое.

Чёрт! Ужасным является моё настоящее и будущее! А вот прошлое было прекрасным... Но я не ценил счастья, беспечно верил, что моя любимая девочка всегда будет рядом со мной. И вот теперь жестоко расплачиваюсь за свою беспечность. После смерти Наташки жизнь раскололась на две части. «До» и «После».

Душа разрывалась, ощущал себя кровавым ошмётком. Теперь вынужден прибывать в аду!

– Лёша-а-а, – крики Ангелины разрывают тишину, вынуждая вернуться в страшную реальность. – Боже, Лёша, – хрипит девочка.

Женское тело извивается подо мной, спина превращается в дугу и тело бесстыдно выгибается навстречу моим губам, демонстрируя упругую грудь. Без эмоционально смотрю на женские прелести, и не могу получить должного результата. Провожу рукой по идеальной форме полушария, ощущая мягкость, упругость, но не чувствую тепла. Тело реагирует, плоть желает, но вот душа отвергает неестественность, фальшивость...

Ангелина другая. Все женщины другие, никто не похож на мою лучезарную, светлую, неповторимую девочку.

Проклятие! Отчаянно пытался смириться с её гибелью, тайно надеялся, что моя рана, рано или поздно затянется и станет хоть немного легче. Но боль не проходила, рана не затягивалась. Б...ь! Она даже немного не затянулась, а продолжала расширяться, принося пустоту. Вся моя проклятая жизнь превратилась в постоянное состояние обречённости.

– Лёша, прошу, не останавливайся, – хрипит чужой голос, наполненный пошлости. – Это просто божественно. Незабываемо. Это настоящий огонь! – Свирепо и страстно прошипела она, впиваясь ногтями в спину. – Мой милый. Любимый.

Ведомый страстью, без любви, машинально ускоряю движение бёдер. Яростно врываюсь в податливую плоть Ангелины, пытаюсь получить необходимую разрядку. Перевожу обе руки на аппетитные формы, расположенные ниже поясицы, крепко сжимаю кожу, прекрасно осознавая, что мои действия жёсткие и наверняка на идеальном теле девочки останутся следы. Но я забываю о нежности, мои движения произвольные, в них и намёка нет на ласку. Мной руководит похоть, страсть, желание удовлетворить потребности тела...

И получаю физическую разрядку, а вот моральную боль не заглушить. Мне так и придётся существовать со своей нескончаемой болью, она стала частью меня, поглотила сердце.

Яростно проклинал тот день, когда встретил Наташу. Этот роковой день, оказался нашей гибелью. Чёрт! Она же умоляла меня отпустить её, дать свободу, но я как конченный деспот удерживал её и в результате....

Разлука с любимой девочкой сводила с ума... Но я если бы я только знал, что по моей вине она погибнет, то в ту же секунду отпустил её. Одно дело жить и знать, что моя любимая

где-то далеко и лелеять в себе Надежду, что мы когда-то соединимся и совершенно другое, понимать, что её больше нет в моём мире.

– Люблю, люблю, люб...– стонет Ангелина, слово которое я не смею употребить в отношении нас.

Прикрываю глаза и вспоминаю Наташу, её натуральную красоту, которая должна быть воспета поэтами.

– Сука, – кричу я и рьяно совершаю несколько толков.

Стройные ножки Ангелины ослабевают, и она расслабленно опускает их на край стола. Слышу её прерывистое дыхание, и сексуальные стоны, вырывающиеся из груди.

С грустью осмотрел удовлетворённое лицо любовницы. Ангелина действительно любит меня. Как же глупо и опасно. Таких как я любить нельзя. Я зверь. Дикий хищник, от которого нужно бежать. Но Ангелина тянулась ко мне. Я, реально, огонь. Только вот тепла от меня получить невозможно. Сжигаю всё на своём пути. Стихийный пожар, не способный по-настоящему любить, могу лишь уничтожать.

– Лёша, это было незабываемо, – тяжело дыша, одними губами произносит девочка. – Как же хорошо.

Отхожу от стола, небрежно натягиваю джинсы, оставляя ремень нетронутым.

Ангелина с удовлетворённой улыбкой, поднимается со стола и кокетливо поправляет платье, которое стало больше похоже на рваную тряпку.

– Лёша, ты сегодня был очень, – кокетливо усмехается и проводит ладошками по груди, – очень страстным. Малыш, ты просто бог секса.

Отчуждённо смотрю на движения Ангелины и ловлю себя на мысли, что опять сравниваю двух совершенно непохожих друг на друга женщин.

– И главное их различие состоит в том, что Ангелина живая, у неё бьётся сердце, горят глаза, а вот Наташа лежит в сырой земле, и могила её покрыта жёлтыми листьями. Не моё дыхание согревает её в ночи, не я шепчу ей жаркие слова, она лишь воспоминание, её тело погружено в холодную землю, а на поверхности разгуливает осенний ветер, который и ведёт с ней непонятные для живого человека беседы.

– Лёша, а ты не замечаешь изменения в моей внешности, – и снова вульгарный голос, вырывает меня из моих раздумий. – Посмотри повнимательней. Что во мне изменилось?

Ангелина без стыда выставляет свою обнажённую грудь, слегка приподнимает их своими ладошками, которые буквально тонут под её огромными полушариями.

Непроизвольно вспоминаю Наташу, её маленькое, нежное тело. Грудь девочки были небольшого размера, они помещались в моих ладонях.

Поднимаю руку и, сжимая пальцы, представляю свою малышку.

– Тебе, не понравилось? – сглотнув вязкую слюну, прошептала Ангелина и с обиженным выражением лица, постаралась прикрыть интимную часть своего тела. – Б...ь! – Обиженно воскликнула она. – Я же для тебя старалась. Ну не молчи. Скажи хоть, что-нибудь.

Ангелина напрасно надеялась, что я по достоинству оцени её изменения и начну лживо восхищаться пышными, но натуральными, фальшивыми формами.

– Нет, – искренне, но холодно произнёс я. – Меня никогда не привлекали силиконовые куклы. В них нет жизни. Я тебя никогда не просил об увеличении груди или иных частей, – равнодушно произношу я.

Голос наполнен цинизмом и пренебрежением, сердце подсказывает, что моё поведение несправедливо по отношению к невинной девушке, которая всеми силами пытается доставить мне радость.

Ангел помогала мне встать с колен. Была рядом, когда я бродил во тьме. Протянула руку, когда я проклинал её и прогонял. Но она никуда не уходила.

Ангелина, бесшумно перебирая ножками, подходит ко мне.

– Лёша, сколько можно меня мучить? – звучит вопрос, ответа на который я неспособен дать. – Думаешь, моё сердце состоит из силикона, оно не способно любить, гореть и страдать! Не надо так. Я вовсе не кукла. Всё чувствую. И мне безумно больно.

Ангелина проводит пальчиками по моей щеке и словно щенок, заглядывает в глаза своего хозяина, в поисках нежности и ласки. Но как можно получить любовь от человека, сердце которого окаменело. Я и раньше то не был способен на сильные чувства и откровенные эмоции по отношению к женщинам, а после смерти Наташи, окончательно потерял надежду на смягчение сердца.

– Ангелина, не стоит, – равнодушно отвечаю я и убираю руку Ангелины от своего лица. Перевожу брезгливый взгляд на грудь Ангелины и заявляю, – как можно было себя так изуродовать? Ты стала похожа на деревянного человека, грудь потеряла естественность, стала неподвижной, даже при ходьбе она не двигается.

– Понятно, – с сожалением произносит Ангелина. – Мне надо было морду перекроить, а что пока не поздно, – с истерическим смехом озвучивает Ангелина. – Давай фотографию Наташи, наверняка у тебя их тысячи, – перешла на крик женщина, лихорадочно размахивая руками. – Может тогда у меня появится хотя бы слабая надежда, что ты обратишь на меня внимание. И посмотришь другими глазами. Она же для тебя божество. Совершенная девушка.

– Хватит, Ангелина, – спокойно, но грозно раздался мой рык, который заглушил вопли девушки. – Не переходи черту. Это может быть опасно для тебя.

– А почему бы и нет, – настойчиво прошипела Ангелина. – Стану копией Наташи, может быть тогда, когда покойница оживёт, и ты в чувства придёшь, – тычет своим пальчиком в мою грудь, обжигая меня ненавистным взглядом.

На моём лице появился животный оскал, не рассчитав силу, одной рукой схватил за руку испуганную женщину, толкнул её к стене и буквально впечатал её тело в холодную плоскость. Мгновенно перевёл другую руку на шею женщины и крепко сжал её.

– Пусти, – захрипела Ангелина, в глазах которой отражался ужас.

Она панически схватилась двумя руками за мою руку, которая уверенно фиксировала её шею и безуспешно пыталась скинуть её.

– Если ты ещё раз произнесёшь имя «Наташи», я собственными руками задушу, убью и глазом не моргну, – медленно проговорил каждое слово, особо акцентируя внимания на слове «...убью...».

– Клянусь, больше никогда, – прохрипела Ангелина, продолжая безуспешно, стараться освободиться от моей мёртвой хватки.

Фраза Ангелины, вызвала дьявольскую улыбку на моём лице, немного округлив глаза и, приподняв брови, склонился над ухом Ангелины и голосом Мефистофеля, спросил, – кому ты клянёшься?

С гневным выражением лица и зловещей усмешкой, размыкая пальцы и освобождая Ангелину. Девушка обессилено сползает по стенке, обхватывая голову руками.

В моей душе нет ни жалости, ни сострадания, даже благодарности.

– Уходи, меня уже не спасти, моя душа и сердце в огне. Меня не спасти. Тону в болоте и если ты останешься вместе со мной, то болотная трясина затянет и тебя, – решительно, но с досадой в голосе, произнёс.

Девушка опустила руки и подняла заплаканное лицо. Плавно держась о стену, поднялась на ноги и шатающейся походкой, подошла ко мне.

– Я не отступлюсь, если понадобится, значит, я утону с тобой. Не сможем всплыть, так утоним вместе, – яростно, но очень убедительно произнесла она.

– Ангелина, – растерянно произношу имя девушки и аккуратно убираю прядь волос с её лица. – Признаюсь, что я бессердечное животное, которое способно приносить только боль, но мне уже от себя не уйти. Вынужден жить с этой болью, – беру её ручку и кладу себе на грудь.

– И я принимаю тебя, такого какой ты есть, – сквозь слёзы отвечает Ангелина. – Ты мне нужен словно воздух, только ты способен утолить мой голод, жажду. Благодаря тебе дышу. Живу. Существую.

Опускаю голову и, отпуская руку женщины, с грустью спрашиваю, – Ангелина, неужели у тебя нет гордости? Твоё женское самолюбие разве не страдает?

Ангелина накрывает ладошками своё лицо, ловко орудуя пальчиками, скидывает слезинки и твёрдо отвечает на вопрос, – о какой гордости ты говоришь, когда в дело вступает любовь! Неужели ты проявлял гордость или как ты сказал, самолюбие, когда бегал за Наташей. Да, ты яркий пример, что влюблённый мужчина, напрочь теряет голову. Когда в сердце живёт любовь, доводы разума замолкают, – ехидно кривит уголки губ и добавляет, – а ты про гордость и тщеславие, они вообще улетучиваются.

Провожу рукой по подбородку и немного задумавшись, откровенно заявляю, – ты права, когда любишь, ни о чём другом думать не можешь. – Только вот, моя проблема заключается в том, что мне неведомы такие сильные и благородные чувства. Я не привык и неспособен на любовь, лишь на страсть, похоть и вожделение.

– Правда, – с недоверчивой ухмылкой произносит Ангелина. – Ты обманываешь самого себя, потому что так тебе легче пережить потерю любимого человека.

Перевожу руки на бёдра и снисходительно сверху вниз смотрю на Ангелину, недоверие проскальзывает в моей мимике, всем видом демонстрирую, что слова Ангелины абсолютно лишены рационального подхода и основываются лишь на глупых бабских представлениях. Но если способен создать напускной вид, внешне изобразить равнодушие, то внутри всё переворачивается. Осознаю, что слова Ангелины, вовсе не домыслы, а горькие реалии жизни.

– Никогда не верил в любовь, наслаждался и использовал женщин, – коварно, безжалостно шипит совесть. – Жил в своё удовольствие, брал от жизни, всё не давая ничего взамен. И вот теперь судьба спросила с тебя по полной, долго терпела, фортуна преследовала тебя и в один миг повернулась спиной, отобрав самое дорогое, что может быть в жизни любого человека. Коварно вырвала из твоих рук женщину, разорвав душу, растерзав сердце. Твоя жизнь — это мрак, состоящее из мук и внутренних терзаний, а главное, даже вдалеке нет маленького просвета, лишь холодная тьма.

– Ладно, я в душ и спать, – резко меняю тему разговора, не глядя на Ангелину, разворачиваюсь и иду к выходу.

– Завтра поедешь на могилу Наташи, – прокричала вслед Ангелина. – Возьмёшь бутылку виски или коньяка, или водки, или черт знает чего. Напьёшься до беспамятства и будешь изливать душу безжизненному куску мрамора, который не ответит тебе.

До болезненного хруста сжимая ручку двери, требовательно заявляю, – Ангелина, тебе одного предупреждения мала. – Ещё слово о Наташе и вместо дверной ручки, в моей руке окажется твоя шейка и поверь тогда уже моя рука не дрогнет от жалости. Сломаю. Сильно ударяю рукой о стену, резко распахиваю дверь и быстрым, размашистым шагом покидаю кабинет.

– Ненавижу тебя, ненавижу, – слышу проклятия, которыми посыпает меня Ангелина. Она справедлива в своём гневе, но мне безразличны слова женщины, как и её чувства.

Сам не замечаю, как оказываюсь в гостиной и обессиленно падаю на диван.

Тяжело... Невыносимо тяжело...

Лихорадочно накрываю голову широкими ладонями, стремясь приглушить адскую боль, которая сжигала меня. Вот оно моё наказание за все грехи.

Миг и мою голову накрывает тёплая женская рука, молниеносно поднимаю голову, одновременно крепко сжимая пальцы.

– Что тебе надо?

Ангелина с сожалением улыбается и опустившись на колени, обхватывает ладонями моё лицо, которое источало лишь злость, обречённость, полное бессилие.

Вот, что ей от меня надо? Зачем бежит за мной. Неужели у неё нет ни капли гордости и собственного достоинства!

– Ангел, уходи от меня. Беги. Я приношу лишь боль.

Женщина замотала головой.

– Нет, Лёша, я никуда от тебя не уйду, потому что люблю. Очень люблю. Ты можешь сколько угодно унижать меня. Прогонять, но я не уйду.

Немного наклоняю голову.

– Ангелина, у тебя совершенно нет гордости?

Женщина пожала плечами.

– У каждого человека есть гордость, у кого-то в большей, у кого-то в меньшей степени. Порой бывает так, что гордость затмевает все другие чувства. У всех случаются ссоры, все люди совершают ошибки. Случается, что после ссоры один из любящих людей поворачивается и уходит, не желая слушать никаких оправданий. А, расставшись, люди мучаются, потому что любят друг друга, но из-за своей гордости не могут сделать первый шаг, считая, что тем самым роняют чувство собственного достоинства.

Удручённо кивнул.

– Только я тебя не люблю. И никогда не полюблю.

Гордость нужна человеку для того, чтобы не допустить обесценивания личности, не позволять собой манипулировать, и чтобы прекратить токсичные отношения. Если вас унижают и оскорбляют, а вы терпите, вас перестают уважать, потому что вы становитесь не личностью, а пустым местом.

Но Ангелина верила, что сможет допиться моей любви...

С болью в сердце, молча, опустив голову, иду, под проливным дождём.

Перевожу потухшие глаза на голые деревья и сравниваю себя с ними.

– Я так же, как и они, опустошён, лишён солнечного света, – невольно думаю я.

Не замечаю, вступаю в лужу и грязные брызги попадают на мою одежду.

Болезненная дрожь пробегает по телу...

Глупцы утверждают, что «время лечит». Но это неправда. Время вовсе не лекарство, а медленный, жестокий убийца.

– Это не Ангелина верная собачонка, а я преданный пёс, который постоянно приходит на могилу своей хозяйки, в надежде найти покой и мир, – простонал я и опустился на колени, рядом с мраморным камнем, которые люди имеют памятником. – Это вовсе не жизнь, а убийственное существование.

Каждому человеку даётся лишь один шанс на земле, чтобы прожить свою жизнь так, как он сам пожелает.

Любовь — то самое чувство, которое преследует человека на протяжении всей его жизни. В детстве маленький ребёнок получает любовь со стороны родителей и родственников, и немного погодя сам понимает, что такое любовь, к кому он её чувствует и как её выражать.

Позже любовь ощущается к людям, которые имеют схожие интересы и мировоззрения. Потом человек ощущает настоящие любовные чувства к личности, которая им симпатизирует в особенном смысле, а после может и сам получить любовь от неё.

Любовь - это когда отдаёшь человеку себя без остатка. Любовь - это когда делаешь человека счастливым. Любовь дарит непередаваемые и безумные ощущения нечеловеческого счастья. Влюблённость — это короткая страсть. Любовь - это чувство страсти, уходящее в бесконечность. Любовь - это сострадание и переживание за человека. Любовь - это глубокие чувства и ощущение человека, как близкого и родного по духу. Любовь - это когда чувствуешь человека как самого себя. Любовь – это потеря реальности мира. Когда встречаешь любовь, забываешь о том, что существует реальный мир и теряется вся связь с реальностью. Любовь – это

свобода. Свобода быть самим собой, рядом с тем, кто принимает тебя таким, какой ты есть. Когда приходит любовь человек обретает смысл своей жизни. Любовь - это страстные и счастливые мгновения ощущения близости человека...

Прикрывая себя масками поведения свою истинную сущность, мы не даём возможности развивать искренние отношения и не позволяем им открыться в полную силу. Со временем мы перестаем чувствовать друг друга и закрываем себя в себе, лишая себя возможности ощутить глубину любви. Сбрасывая с себя маски, мы открываем свою душу истинному восприятию родного и близкого человека. Открывая себя, мы позволяем любовной энергии литься не только через твоё тело, но и через тело любимого человека. Слияние двух открытых и невинной чистоты душ, пробуждает блаженную страсть любовного чувства.

Всю свою жизнь отказывался верить в любовь, чёрствое сердце не пропускало глубокое, нежное и такое сильное чувство, но встретив Наташку, осознал, что даже моя бесчувственная, огрубевшая сердечная мышца способна трепетать.

Рядом со своей любимой девочкой воспарил над землёй. И вот проклятье, потеряв её, лишился крыльев и сорвался в пропасть. Летел и летел, ожидая ужасного конца. Ещё немного и разобьюсь.

Мокрые листья то и дело срываются с веток и, кружа в осеннем вальсе, опускаются на безжизненный мраморный камень. Природа понимает, что это только начало, скоро придут холода и выюги, которые заморозят, уничтожат яркие краски.

Быстрым движением открываю бутылку водки и залпом выпиваю горькую отраву. Огненная вода проникает в горло, не даря тепло, а лишь заглушая неистовую боль.

– Полный пи...ц, – слышу суровый голос Соколовского, который словно гром раздаётся за моей спиной.

Послышалось шуршание листвы, мужчина быстро подошёл ко мне и взяв меня за руку, помог подняться с колен.

Без единой эмоции смотрю в лицо друга, которое искажённо в злобной гримасе.

– Рома, давай без нравоучений, – с горькой усмешкой на лице, проговорил я. – Ты же знаешь, какой сегодня день, – поднимаю бутылку, но отпить мне не удаётся, Соколовский вырывает её из моих рук и со злостью отбрасывает в сторону.

Ромка яростно хватает меня за воротник куртки и сильно начинает трясти, при этом громко чеканя каждое слово, – да, приди ты в себя. Подумай, неужели бы Наташа, одобрила такое поведение. Б...ь, Лёха, ты чего добиваешься? Хочешь сдохнуть? У тебя же скоро печень откажет. Разве можно столько водки «жрать»?

Используя обе руки, произвожу нижний удар, с ловкостью выбиваю руки Романа и шатающейся походкой, тяжело дыша, отхожу от друга.

– Рома, твою мать, не делай так, – спокойно произношу я. – Не хочу причинять тебе вред, но... – перевожу взгляд на памятник, на котором выграна фотография Наташи.

Милая, яркая и улыбающаяся девочка с безжизненным взглядом смотрит на меня.

– «Дорогой и любимой дочери», – цитирую надпись на надгробии. – Уникальная, особенная надпись, правда. Вот и веночек от близких друзей, – указываю рукой на недавно доставленный ритуальный атрибут. – Только от меня ничего нет, я был для неё никто, нелюбимый муж, недорогой жених, никто Рома, никто...

Озлобленно и обречённо поморщился. Принуждал. Подавлял. Жестоко и бессердечно ломал свою девочку. Проклятие! Сколько раз она просила меня отпустить её, даровать долгожданную свободу, но я был глух к мольбам любимой. Если бы я только знал...

Тогда верил, что если отпущу Наташу, то в тот же день умру! Эгоист. Чёртов эгоист.

Роман разводит руки и слегка приподнимая, а затем опуская плечи, произносит, – брат, но по факту, ты действительно чужой человек для этой девушки. Наташа не твоя жена. Не твоя девушка.

Повисла гробовая тишина, это атмосфера, должна погружать в светлые воспоминания о дорогом человеке. Но в моём сердце нет места для света, это пространство окружено печалью и грустью, мучающей меня скорбью. Подавлен отчаяньем, не могу принять смерть, признать это великое таинство природы. Обижен на несовершенство мироздания, озлоблен на весь мир, за то, что многие кто достойны смерти живут, а те, кто достойны жизни, мертвы.

– Выслушай меня, – робко произносит Роман и, опустив голову, носком обуви откидывает опавшие листья. – Понимаешь, мы тут случайно разговорились с Настей и она мне сообщила, что... – замолкает и внимательно смотрит на изображение Наташи, как будто бы спрашивая разрешения.

– Рома, ты что сломался, давай переходи к заводским настройкам, – иронично заявляю я. – Или ты решил, громко помолчать.

Роман переводит взгляд, в котором читается неприкрытое сожаление, с виноватым подтекстом.

– Брат, там такое дело, – простонал Роман и беглым взглядом осмотрел кладбищенскую природу. – Ладно, смотри, патологоанатом выдал справку, согласно которой в крови Наташи был обнаружен алкоголь.

– Обнаружен, – грубо отвечаю я. – И что, она беспечно выпила вина и в результате оказалась в этой могиле, – указал пальцем на холодную землю.

Разъярённо сверкнул глазами. В моменты вспышки обессиленной, убийственной, неконтролируемой ярости, обвинял Наташку. Именно её винил, считая, что она собственными руками себя погубила. А вместе с ней погиб, и я...

– Беременная женщина решила напиться, а потом покататься с ветерком, – быстро, словно скороговорку, проговорил Роман. – Что-то не вяжется. А ты как считаешь?

Сильное эмоциональное душевное волнение накатывает на меня, накрывая волной. Лишаюсь возможности понимать значение своих действий, руководить ими.

За пару шагов преодолеваю расстояние между мной и Романом, не контролируя свои порывы, хватаю за плечи Соколовского и яростно начинаю требовать, – говори, дальше. Объясни, что значит, она была, беременна? Почему ты молчал?

Внутренний дикий зверь вновь принялся терзать меня. Думал, что больнее быть просто не может, но как оказалось, жестоко ошибался.

Судорожно переваривал убийственную информацию.

Значит в тот проклятый день, ровно год назад, потерял не только любимую девушку, но и ребёнка.

Роман переложил свои руки на мои плечи и по-мужски крепко сжав, произнёс, – да, послушай. Сам узнал пару дней назад. Анастасия впала в депрессию, она была беременна и с трудом переживала этот период. Была реальная угроза выкидыша, поэтому тема разговора о Наташе была для нас табу.

Пытаюсь восстановить дыхание, разжимаю руки и, скидываю ладони Романа со своих плеч, спокойно произношу, – говори, дальше. Дальше, говори, – настойчивее требуя я.

Друг поник.

– Что говорить? – удивлённо спрашивает Роман и прикладывает пальцы к моей голове, немного постучав, добавляет, – теперь ты вернись к своим прежним настройкам. Подумай, как возможно, чтобы, такая рассудительная девушка как Наташа, могла так беспечно сесть за руль, да ещё предварительно напившись.

Ромка многозначительно кивнул.

– Наташа, вообще, не особо выпивала. А тут такое! – Свирепо воскликнул он. – Настя утверждает, что Наташа знала о своей беременности. Архангел, мне не верится, что она просто так взяла и напилась, будучи беременной.

Отчуждённо смотрю сквозь друга и перед глазами всплывает ужасающая картина. Бездыханное тело Наташи, которое безжизненно лежало на столе в морге.

– Лёша, я не хочу и не буду ничего придумывать или преждевременно утверждать, но в гибели Наташи слишком много белых пятен, – мрачно произносит друг. – Её гибель стала настоящим шоком. Мы все были в не себя от горя. Особенно ты. И если честно, следствие прошло в каком то сумбуре.

Со злобным любопытством подхожу к памятнику и провожу ладонью по портрету Наташи.

– Может ли случиться, что ты живая? – сильнее прижимаю тёплые пальцы к холодным, безжизненным губам девушки.

Мой взгляд пронзительный, требующий ответа от мрамора, на котором изображён портрет любимого человека.

– Надо провести эксгумацию. Точно, вырыть эту ненавистную яму и провести исследования, – охваченный безумием, начинаю кричать я.

Роман подходит ко мне и слегка обеими руками ударяя по плечам, командует, – брат, успокойся. Сначала позволь разобраться в ситуации, если наши предположения окажутся неверными, мы попросту оскверним могилу Наташи. Нужно прийти в себя. Действовать размеренно. Хорошо?

Ощущал, что всё моё тело колотит дрожь, кажется, как будто бы я попал в трансформаторную будку. Внимательно рассматриваю Романа, на моём лбу образуются широкие горизонтальные складки, поднимаю брови и веки, округляя глаза, напрягая силу воли, спрашиваю, – поясни. У тебя есть какой-то план?

– Да, брат. Сейчас поеду к этому патологоанатому и поговорю с ним, – властно и решительно заявляет друг.

– Не ты, а мы поедим, – возражаю я.

Роман с невозмутимым видом машет головой и безапелляционно заявляет, – нет, я поеду один. Твоё состояние не позволяет рационально мыслить, поэтому ты сейчас поедешь домой, а я, как получу информацию, сразу сообщу тебе.

– Бл...ь, Рома, ты хоть понимаешь, о чём ты сейчас просишь? – нетерпеливо произношу я, не желая мириться с предложением друга. – Ты один никуда не поедешь.

– Прояви выдержку, – спокойно предложил Роман. – Сейчас ты мыслишь узко. Высокомерие, гордость, а главное, злость и ненависть сыграет с тобой злую шутку.

Плотно сжимаю губы и ощущаю, что всем мышцы моего тела напряглись.

– Рома, позвони, как только что-то выяснишь, – тихо сообщаю я. – Любую мелочь, даже если она покажется не значительной, ты мне сообщишь, – требую я.

– Какая мелочь? – послышался тихий голосок Ангелины.

Одновременно оборачиваемся с Романом и наблюдаем, как Ангелина, неуверенно лавируя между лужами и грязью, перепрыгивая с ноги на ногу, в обуви на высоком каблучке, пытается подойти к нам.

Роман переводит на меня недовольный взгляд и его молчаливое выражение лица, так и кричит, – «...иди помоги девушке...».

Пренебрежительно отворачиваю голову и фокусирую внимание на безжизненном портрете Наташи.

Плевать мне на Ангелину. Никогда и ничего ей не обещал...

– Чёрт, – громко выругался Роман и направился к Ангелине. Подает девушке руку и придерживая за талию, помогает беспрепятственно подойти ко мне.

– Ты зачем её привёз? – равнодушно, продолжая смотреть на портрет Наташи, спросил я.

– Я, что вещь? Ты даже вопрос, адресованный мне, задаёшь Роману, – истерично кричит Ангелина. – Боже, Лёша, чем я заслужила подобное отношение к себе? Откуда в тебе столько лицемерия и эгоизма? Самовлюблённый хам.

– Истерику закатывать здесь не надо, – со спокойствием удава, который сдавливая свою беспомощную жертву, проговариваю я. – Тебя никто сюда не приглашал.

– Действительно, Ангелина, сейчас не самое подходящее время для разговоров, – немного смущаясь, понимая неловкость ситуации, произносит Роман. – Давай, я отвезу тебя домой, – тянет за руку Ангелину и настойчиво пытается увести взволнованную девушку.

– А он? – безымянно произносит Ангелина.

– А он остаётся здесь, – сухо и кратко отвечаю я.

В голосе звучит отчуждённость и раздражение.

– Пойдём, Ангел, пусть попросится с Наташей, – Роман заботливо обращается к Ангелине.

– Чёрт с ним, пусть прощается, – невзначай бросает пренебрежительные слова девушка.

– Только сначала поясните мне, о чём вы здесь беседовали?

– Ладно, брат, пошёл я, – Роман, не отпуская ладонь Ангелины, подошёл ко мне и протянул руку, которую я с благодарностью пожал. – Не волнуйся, ты меня, знаешь, я переверну этот городок, но правду откопаю.

– Откопай, брат, даже если придётся пару человек закопать, – крепко сжимая руку Романа, даю установку другу.

Ангелина с бледным лицом, растерянно начинает бегать глазками, переводя их то на меня, то на Романа.

– Может расскажете, мне, что происходит? – гневно спрашивает она, повторяя и повторяя вопрос, видя, что мы игнорируем её требования.

– Ладно, пойдём, – с весёлыми нотками в голосе, наконец-то обращается к Ангелине Роман. – Ты имеешь права знать правду, столько раз нас выручала.

– Нет, – мой рык, грозно раздался и вызвал смущение на лице Ангелины и негодование в глазах Романа.

– Рома, давай сначала разберёмся со всеми неточностями, а потом уже расскажем обо всём, – более спокойным голосом попросил я.

Внутри меня зародилось недоверие, не мог объяснить причины, но твёрдо ощущал, что от Ангелины исходит опасность.

– Бред, наверно от переизбытка эмоций, совершенно теряю остатки разума, – бурчу себе под нос, вслед уходящим друзьям.

Жёлтый, почти безжизненный листочек, сорванный ветром, подчиняясь велению потока воздуха, безвольно опускает на мраморный памятник.

Одеваю кожаные перчатки, бережно беру в руки несчастный осенний листок, который почти засох, безжалостно смыкаю пальцы и слышу, как хрустит вегетативный орган растения.

– Вот также было смято моё сердце, когда узнал о твоей смерти, – без намёка на жалость или сострадание, произнёс я и развеял по ветру остатки листочка. – Я вместе с тобой был похоронен в этой могиле, без всяческой надежды на воскрешение, – обречённо добавляю я.

Близко подхожу к надгробию, опускаюсь на одно колено и провожу ладонью по родному, но такому далёкому изображению Наташи.

– Я буду вечно любить тебя, ни одна женщина не сможет вытеснить твой лик из моей памяти или занять твоё место в моём сердце, – с полной уверенностью, признаюсь я. – Но, если это всё окажется игрой, вся эта смерть лишь бутафория, – замолкаю, несколько секунд с опущенной головой, слушаю гул ветра, который пришёл на смену дождю.

Решительно поднимаюсь с колена, выпрямляю плечи и словно клятву, произношу следующие слова, – Наташа, если ты окажешься жива, и это всего лишь твой план, ..., – грозно

опускаю углы бровей и, вытягиваю их в горизонтальную линию в результате на переносице образуются поперечные складки.

Затем, словно маньяк, резко меняю выражение лица, приподнимаю брови, округляю глаза и с дьявольским блеском в глазах, заявляю, – если ты окажешься жива, то эта могила долго пустовать не будет. Она быстро обретёт истинного хозяина. Ты ответишь за всё. Никто, слышишь, никто и никогда, и ничего в этой жизни не забирал у меня безнаказанно.

Ветер стихает, снова начинает накрапывать дождик, капли которого падают на памятник и стекают по портрету Наташи. Верил бы в конспирологию, решил, что это знак, так как создавалось ощущение, что из глаз Наташи потекли слёзы.

– Закопаю, живую закопаю в эту могилу и заставлю мучиться. Медленно умирать, так же, как и я. Моё тело гнивало при жизни, раны кровоточили и нигде, и ни в ком не находил покоя.

Она так часто говорила, что я бездушное существо, при этом изображала из себя невинного ангела. А на деле оказалась конченной сукой! Вынудила меня стогать в аду ещё при жизни.

Злость, беспощадным зверем пожирала изнутри. Ненависть охватывала истерзанное сердце. Я одержим этой недостойной девицей, у которой вместо сердца камень.

Жизнь как вьетнамские джунгли, напичканные ловушками.

Одержимый безумец!

И она мне подстать... Сумасшедшая стерва...

Нет между нами любви, лишь болезненная одержимость...

Когда «любовь» безответна, одержимость становится опасной. Одержимые могут чувствовать, что они не в состоянии жить без другого человека. Они могут угрожать или даже пытаться покончить с муками самоубийством. А если другой человек вступает или уже находится в отношениях, то начинается бред сумасшедшего, сопровождаемый мыслями вроде «Он украл у меня любимую» и «Так не доставайся же ты никому!». С другой стороны, одержимость – это вид эгоизма. Что-то вроде мании. Глаза горят, ты требуешь, чтоб человек был с тобой рядом. Ревнуешь к каждому встречному. Если объект обожания просто любит тебя, то это хорошо. Но со временем тебе кажется, что ты не получаешь отдачи. Если тебя любят чуть меньше, чем ты себе это представляешь, значит, всё, нелюбовь, подозрения, истерики. Поэтому важно помнить, что нормальная любовь – это не чувство собственности. Она понимает личное пространство каждого влюблённого и не требует каждый раз лобызаться в дёсны, штурмовать замки. Если всё время ждать от своей любви подвигов, то можно сойти с ума, чёртов психопат.

Удручённо рассмеялся. Она никогда меня не любила. Кого я обманываю. Я заставил Наташу быть рядом с собой. Принуждал...

Роман обескураженно покосился на меня, он почувствовал, что я в данный момент остерегаюсь Ангелины.

Друг вопросительно сузил глаза и робко махнул головой.

Чёрт! Сам не знаю, что со мной происходило. Просто осознавал, что эта надежда на то, что Наташа выжила очень хрупкая... Может, не хотел спугнуть удачу, а, возможно, действительно не полностью доверял женщине. Ангелина всегда была нашим верным соратником, никогда я не ловил её за руку, но всегда, когда вопрос касался Наташи, Ангел менялась. Она ненавидела её, после «гибели» Наталье немного смягчилась, но всё равно не упускала момент, чтобы съязвить. Твою мать! Может это всё лишь мой бред, игра больного воображения. Неизвестно.

– Роман, давай отойдём, – бережно взял друга под локоть и отвёл его в сторону, подальше от любопытных ушей девушки.

Ангелина всё сразу поняла. Она надменно хныкнула и демонстративно выхватила из сумки телефон и принялась активно кому-то названивать.

Сомнения испытывают и неуверенные в себе люди, и самоуверенные; только первые от них страдают, а вторые — их используют.

– Архангел, что, чёрт возьми, происходит? – Друг бросил взгляд на девушку, – Ты почему ничего не сказал Ангелине.

Тяжело вздохнул и устало провёл пальцами по переносице.

Сам до конца не понимал, что происходит в душе. Хаос накрывал меня. Б...ь. Справиться с хаосом точно не смогу, значит, должен его упорядочить.

Чтобы в мире был порядок, надо поддерживать привычный хаос.

– Сам не знаю, что именно происходит, но пока не хочу, чтобы Ангелина что-либо узнала.

Негодованием в глазах друга, резко сменилось откровенным раздражением.

– Ты что говоришь? Ты что в чём-то подозреваешь Ангела?

Гневно оскалился.

– Нет. Ангелина всегда была нам верным союзником. Но не стоит забывать, что она испытывает ко мне чувства. А тебе хорошо известно, что влюблённая и отвергнутая женщина на многое способна.

Роман удручённо свёл брови и помотал головой.

– Может, ты и прав, – огорчённо проговорил друг. – Но в любом случае ты несправедлив к ней. Она же не виновата, что полюбила тебя. И ты, к слову сказать, активно подогревал её интерес. Зачем спал с ней, знал же, что у вас ничего серьёзного не получится.

А вот сейчас его слова прозвучали обидно... Сквозило лицемерием, которым Роман никогда не был наделён.

– А ты зачем с ней спал?

– Б...ь, Архангел, это было тысячу лет назад.

Роман глубоко вздохнул.

– Ладно, брат, – но по-дружески постучал меня по плечу. – Сейчас точно не время для споров. Нужно всё выяснить. У тебя появилась реальная надежда, – он крепко сжал пальцы на моём плече.

Друг уверенно заулыбался.

– Я даже не представляю, что почувствует Анастасия, когда узнает, что её подруга жива. Хищно блеснул глазами.

– Ты лучше подумай, что я сделаю, если твоя информация подтвердится.

Роман напряжённо убрал руку от меня и судорожно замахал ресницами, ощущая явную угрозу в моих словах.

– Лёша, ты только глупостей не наделай. У Наташи было основание так поступить.

– Б...ь! Как поступить? Инсценировать свою смерть?

Роман пристально заглянул в мои полыхающие огнём яростной справедливости глаза.

– Она спасала себя. Ты же не давал ей никакой свободы.

– Спасибо, брат, – яростно ударил ладонью по его груди. – Поддержал так поддержал.

Роман немного смутился.

– Ладно тебе. Я в твою личную жизнь никогда не вмешивался. Дело твоё.

– Вот и отлично. Жду от тебя новостей, – протянул ему руку. – Рома, как только что-то разнюхаешь, моментально звони мне. В любое время.

Друг весело хохотнул.

– Конечно. Знаю же, что ты глаз не сможешь сомкнуть. Ну всё, давай.

Роман торопливо направился к автомобилю, а я, не теряя более времени, направился к Ангелине, девушка молниеносно, что-то проговорила в телефон и спрятав средство связи в небольшую дамскую сумку, изобразив равнодушие, улыбнулась.

Медленным шагом приближался к Ангелине.

Когда счастье идёт нам в руки — мы становимся подозрительными! Неужели нужно всё усложнять, чтобы поверить? Мы привыкли думать, что настоящую любовь надо заслужить, надо преодолеть все препятствия во втором акте, перед тем как жить долго и счастливо в третьем. А если препятствий нет, означает ли это то, что чего-то не хватает? Неужели нужна драма, чтобы отношения сработали?

А что, если сейчас, именно в этот момент разворачивается драма в наших отношениях с Наташей. Чёрт! Только бы она оказалась жива. Боялся поверить своему счастью. Безумно опасался, что Соколовский ошибся, потому что хорошо понимал, что второй раз пережить её гибель не смогу. Я и так уже почти умер. Осталось лишь тело, а душа давным-давно горела в огне.

– Поехали. Я отвезу тебя домой.

Ангел слегка насупилась.

– Ты же не хотел уезжать, – девушка кокетливо провела тонким пальцем по моей груди.
– Что произошло? Куда поехал Сокол?

– У него появились срочные дела.

На лице женщины отразилась обида.

– Вы что-то от меня скрываете? – Она игриво поиграла пальцем, пуговицей на моей рубашке.

– А ты от нас?

Ангелина нервно вздрогнула и моментально убрала руку от моей груди, словно наткнувшись нежной кожей на раскалённое железо.

– Я-я-я, – протяжённо прошипела она и ошарашенно заулыбалась. – Что я могу от вас скрывать?

Сделал решительный шаг вперёд, ни на секунду, не разрывая зрительный контакт.

– Не знаю. Ты мне скажи?

– Знаешь, Архангел, тебе бы к психиатру сходить. У тебя после смерти Наташи паранойя развивается.

Высоко поднял голову и уверенно проговорил, – она не умерла.

Дикий, неконтролируемый ужас застыл в её глазах. Она вовсе не удивилась, а именно испугалась. Я словно застал Ангелину на месте преступления.

– В каком смысле? – Девушка резко повернула голову и посмотрела на памятник, который был доказательством смерти моей любимой женщины.

– Она не умерла, а погибла. Ты совершенно разные вещи. Согласись?

Ангелина облегчённо выдохнула, у неё словно камень с плеч упал.

– Да. Конечно. Ты прав.

Суетливое поведение девушки усилило моё подозрение.

– Ангелина, а перед гибелью Наташи ты с ней сблизилась, – приглушённо прошептал.

Ангел нервно усмехнулась.

– Да. Постепенно стала понимать, что ты действительно полюбил Наташу. Решила, что глупо с ней враждовать. Попыталась наладить контакт.

Безмолвно махнул головой.

– Она тебе что-то рассказывала? Возможно, делилась планами на жизнь? – Сам не знал, что именно хотел услышать, просто стремился усмирить свою подозрительность, цеплялся за слабую надежду.

Ангелина лукаво прищурилась.

– Архангел, к чему весь этот допрос? Наташа умерла. И тебе пора смириться с неизбежностью. Принять горькую правду жизни.

– Возможно. Ты права, – сухо ответил, более не вдаваясь в подробности.

– Лёша, любимый мой, – ласково прошептала женщина, пристально вглядываясь в мои глаза. – Зачем ты продолжаешь жить прошлым? Ты же себя мучаешь.

Тяжело вздохнул. Огорчённо усмехнулся. Скорбь полоснуло израненное, истерзанное сердце, которое никак не могло перестать тосковать по прошлому.

Моё прошлое, там, где была единственно, по-настоящему любимая женщина, светлое пятно в моей серой, никчёмной жизни.

Проклятие! Почему не могу задушить чёртову любовь? Задыхался без Наташки. Даже дышать было невыносимо больно. Каждый день. Каждый проклятый день просыпался и засыпал с мыслями о женщине, которая навсегда покинула меня...

– Ты любил её. Хотя она и не была достойна этой любви.

Разгневанно сверкнул глазами.

– Ангелина, осторожно. Не смей переходить черту. Наташа для меня святое.

Женщина обиженно вздрогнула и суетливо замахала головой.

– Да. Да. Да. Конечно. Наташа для тебя святое. Понимаю, хотя совершенно и не разделяю твоего мнения. И знаешь почему? – Она демонстративно взмахнула головой. – Потому что эта девушка лишь манипулировала тобой. Ты готов был бросить весь этот мир к её ногам, но Наташка совершенно не ценила тебя.

Повержено потупил взор. Готов был бросить мир к ногам Наташи, только ей совершенно не нужен был мир, в котором присутствовал я. Она хорошо понимала, что никуда и никуда не сможет сбежать от меня. Только смерть смогла разделить нас...

– Хватит.

– Хорошо, – Ангелина изобразила покорность. – Буду молчать. Только тебе хорошо известно, что я права. Лёша, я же хочу тебе помочь. Но ты меня совершенно не ценишь. Но в отличие от Наташки, готова терпеть твоё равнодушие и холодность, – дрожащим от несправедливости голосом, провозгласила она. – Потому что люблю тебя. Безумно люблю.

Гневно оскалился.

– Но я тебя не люблю. И никогда не любил.

Произнёс вслух слова, искренне и жёстко признался...

– Знаю. Но меня это не останавливает, – Ангелина яростно схватила мою широкую ладонь и прижала её к горячей груди. – Я тебя люблю и мне этого достаточно. Моей любви хватит для нас обоих.

С сожалением посмотрел на Ангелину, которая страшно заблуждалась. Она рассуждала точно также, как и я... Верил, что моей любви с Наташей хватит для нас двоих, но глубоко ошибся.

Любовь не приходит извне. Она не рождается в сердцах других людей. Любовь возникает в сердце и уме конкретного человека, который её испытывает и ощущает. Никто не способен ощутить чувства другого человека. Любовью невозможно поделиться или передать. Данное чувство, как и другие эмоции, ненависть, увлечённость, злость, возникает у человека внутри и не выходит за пределы его души.

Любовь, конечно же, можно продемонстрировать и показать на уровне действий. Однако это не значит, что человек, которому она демонстрируется, начнет ощущать те же чувства, которые испытываются к нему. Любовь находится внутри человека, зарождается там, живет и умирает. Она не способна переноситься силой мысли. Ее невозможно ощутить другими людьми, как бы вы ее ни демонстрировали.

– Ангелина, ты даже не понимаешь о чём говоришь.

Глава 2. Ангел

Обида и печаль сжигает сердце изнутри...

Лишая смысла жизни и сбивая с правильного пути!

Как же больно осознавать, что мужчина, которого ты любишь всем сердцем относиться к тебе... Как относится? Как к другу. Чёрт! Гнев прожигал изнутри. Чем я хуже этой серой мышки Наташи. Она же пустая, по сравнению со мной бледная моль. Но Архангел её любит. Продолжает любить...

– Тариэл, ты слышишь, что я тебе сказала? – Взволнованно проговорила я.

От беспокойства не могла успокоить дыхание, лихорадочно провела руками и с сильной досадой на лице, посмотрела на мужчину, который с невозмутимым видом, и наглой ухмылкой сидел напротив меня, закинув ноги на стол. В одной руке у него был стакан с виски, который он лениво подносит к полным, большим, не очень чётко очерченным губам и, кривясь в мерзкой улыбке, равнодушно произносит, – Ангел мой, девочка с опалёнными крылышками, что же ты так нервничаешь. Присаживайся, давай я тебе как гостеприимный хозяин, что-нибудь предложу, – с жеманством предлагает он, при активно жестикулирует. – Не стоит такой красивой девочке, хмурится. Давай, малышка, присаживайся. Порадуй старика.

Брезгливо покривила лицо. Мерзкая, жирная скотина. При других обстоятельствах близко бы к нему не подошла, но сейчас исключительная ситуация.

– Тариэл, ты слышишь меня? – Срываясь на крик, подхожу к столу и облокотившись на него, переместив вес тела на ладонки, продолжила сверлить мужчину гневным взглядом. – Лёша и Рома начали, что-то подозревать, понимаешь, – медленно проговариваю я, при этом крепко сжимая края деревянного стола. – А я одна нести ответственность не собираюсь. Мы с тобой в одной лодке и на дно пойдём вместе.

Не собиралась угрожать мужчине, но при этом осознавала, что Архангел может добраться до меня в два счёта, а вот у Тариэла более выгодное положение. Озлобленно усмехнулась. Первая понесу наказание, но и хитрый лис не сможет спастись от возмездия Архангельского. Рано или поздно он спросит с него по полной программе.

Весь мой внешний вид наглядно кричит о моём беспомощном состоянии, обессиленно отталкиваюсь от стола и, обхватив себя руками, подхожу к окну. Открываю его и жадно поглощаю свежий воздух.

Тариэл остаётся спокойным. Он никак не реагирует на мои слова, складывается такое впечатление, что я ему банальные вещи рассказываю. Непонятно! Его спокойствие – это фальшь или он действительно не видит угрозы. Проклятие! У этого старика чутьё как у волка. Он опасность за километр чувствует. Почему же так реагирует? Или! Внезапно пронзила меня мысль, как огненная стрела. У этого прагматика есть запасной выход. Он, бесспорно, мерзавец, но при этом его ум острый, он настоящий игрок и всегда имеет козырь в рукаве. Кровавый шулер.

«Лишь только я решаю начать красиво жить — ко мне приходит жаба

и ну меня душить.»

Птицы выклёвывают клещей на спине буйвола не потому, что хотят избавить его от паразитов.

– Девочка моя, поверь мне, я всё уладил, – восторженно заявляет Тариэл, ставит стакан и, поднимаясь на ноги, подходит ко мне.

По-хозяйски обнимает меня за талию и притягивает к себе.

И вновь мерзкое чувство охватывает меня, стремлюсь скрыть своё раздражение и отвращение.

Твою мать! Как же хотелось резко отбросить его лапы от своего тела. Противно, но приходится терпеть. Каким бы подонком ни был Тариэл, я от него завишу. Без его помощи мне не всплыть.

– Ничего эти сопляки не смогут найти, как говорится, концы в воду.

– Что ты говоришь? – перевожу испуганные глаза на мужчину, параллельно пытаюсь освободиться от руки Тариэла.

Близость мужчины вызывает чувство неприязни, всем сердцем желаю поскорее покинуть это пропахшее табаком, алкоголем и похотью помещение. Но ещё больше хочу, чтобы этот старый бандит, избавил меня от своего общества.

– Дура! Ангелина, где были твои мозги, когда ты решилась на сделку с этим кровожадным волком, – укоризненно думаю я.

Тариэл крепче сжимает одной рукой талию, другая бесцеремонно перемещает на грудь и прижавшись губами к моему уху, простонал, – можем отметить наш триумф.

– Какой триумф? – обречённо задаю вопрос. – Соколовский едет к патологоанатому, в течение часа он доберётся до места и тогда, выбьет из костолома всю информацию.

Нечистое дыхание мужчины обжигает кожу шеи, пытаюсь сдержать свои эмоции и как можно спокойнее прошу, – Тариэл, убери свои руки. Ты же знаешь, что я женщина Архангела, а Лёша своим не делится.

Жутковатый, басистый смех срывается с губ Тариэла, мужчина одной рукой скользит по моей груди, другой спускается к моей филейной части.

Моё терпение подходит к концу, резко разворачиваюсь и, упервшись руками в грудь мужчины, сильно толкаю его.

– Я вовсе не шучу, если Архангельский узнаёт, какие фrivольности позволяешь по отношению ко мне, он с тебя живого шкуру спустит, – гневно начинаю кричать я, полностью уверенная в собственных словах.

Страх вынуждает меня сорваться на крик... Если Архангел узнает, что его ненаглядная Наташа жива, то не успокоится, пока не разыщет её. Землю зубами будет грызть. А если он её найдёт. Крепко зажмурила глаза. Тогда мне не спастись. Архангельский живьём меня закапает. Повезёт ещё, если просто пулю в лоб пустит.

Тариэл поднимает руки вверх, демонстрируя, что услышал мои слова и принял во внимание все изложенные доводы.

Облегчённо выдыхаю, но преждевременно расслабилась. Этот маньяк, в мгновение преодолел расстояние между нами и я вновь оказываюсь в плену этого человека. Опять упёрлась руками в его грудь и попыталась оттолкнуть отвратительного человека.

– Пусти, ты маньяк. Ты омерзителен и противен мне, сексуально озабоченный мерзавец, – неистово кричу я, пытаюсь освоиться от бульдожьей хватки.

Внезапно Тариэл освобождает меня. Не теряя времени, отскакиваю на безопасное расстояние и с ужасом смотрю на мужчину.

– Дура, я твоя единственная возможность, спасти свою шкуру, – визгливым голосом, похожим на пороссячий, произносит Тариэл. – Да, если Архангел, узнаёт, что ты ведёшь двойную игру, он с тебя шкуру спустит, – раздражённо повторил мои угрозы мужчина.

Непроизвольно мои брови вытягиваются в прямую линию, слегка сужаю глаза и уверенно заявляю, – я же тебе говорю, что нам надо помешать Роме встретиться с врачом. Битый час, пытаюсь достучаться до тебя. Грозно поднимаю палец и с угрожающим видом, указывая в его сторону, произношу, – ты, что думаешь, я одна буду за всё отвечать. Нет, я всё расскажу Архангелу. Поведаю ему детали нашей сделки, что ты помог Наташе сбежать, разыграл её мнимую смерть, а взамен вынудил меня, стучать на Соколовского и Архангельского.

Тариэл помпезно усаживается на кресло, вновь закидывая ноги на стол, резко оттягивает уголки рта, изображая бесшумный крик о помощи. Затем резко закрывает рот и со злобным

выражением лица, поднимает руку и, сжимая её в кулак, насмешливо произносит, – вот где у меня, и Соколовский, и Архангельский. Злобно трясёт кулаком и ехидно кривит губы.

Ощушая сухость во рту, сжимаю пальцы и, успокоив шумное дыхание, начинаю говорить, – Тариэл, с девчонкой что-то надо делать.

– Надо, – лаконично ответил мужчина и ударил кулаком по столу. – И я тебе сразу говорил, что нужно эту Наташу ликвидировать, но ты же у нас некровожадная, решила прибегнуть к более щадящей форме, и вот результат.

– Ничего страшного, пока не произошло. Я знаю, где проживает девушка, передам тебе её адрес, ну а там, в общем... – перевожу глаза в сторону, не в силах смотреть в пожирающие глаза Тариэла. – От несчастного случая никто не застрахован, – робко заканчиваю фразу.

– Врача погубили, Наташу собираемся погубить, – цинично говорит Тариэл, закидывая руки за голову, откидывается на спинку кресла. – И Романа, раньше времени лишились. Вечная память.

Мой неподвижный взор, полный ужаса и отчаянья, устремлён на Тариэла. Слабо смыкаю губы, затем собравшись с духом, неуверенно произношу, – ты, что сделал с Ромой?

– Ты что сделал с Ромой? – ехидно передразнивает меня мерзавец. Скидывает ноги со стола, опускает руки и, наклоня корпус, гнусавым голосом, произносит, – что, за бывшего любовника переживаешь! Пи...ц, у вас там шведская семья, тебя и Соколовский, и Архангельский е..т или охрана тоже участвует.

– Заткнись и ответь на вопрос, – злобно кричу я, игнорируя оскорбления Тариэла. Ноги начинают дрожать, обессиленно опускаюсь на диван и судорожно начинаю переваривать страшные слова изверга.

– Не понимаю, что тебя так напугало, – с наигранной наивностью, спрашивает Тариэл. – Устраним Наташу, Рому. Я заберу у Архангела бизнес, думаю, что после гибели друга, он окончательно впадёт в апатию, ну а ты приберёшь к рукам отчаявшегося мужчину. И заживём мы долго и счастливо, – громко хлопает в ладоши, и в кабинете вновь раздаётся мерзкий, оглушительный хохот.

– Не трогай Рому, подонок, – глухо и грозно рокочу я, не отрывая разъярённого взгляда от ненавистного мужчины.

– Знаешь, люблю Фёдора Михайловича Достоевского, – внезапно произносит Тариэл.

– За то, что он презирал людей, так же как и ты, – злобно подумала про себя я. Вслух же произносить ничего не стала, лишь пренебрежительно усмехнулась и перевела глаза в сторону окна.

– Особенно нравится персонаж, Соня Мармеладова, – равнодушно продолжает вещать мужчина. – Знаешь, а мне эта девушка, тебя напоминает.

– Мне по х.й, кого я тебе напоминаю, – брезгливо отвечаю я. – Ты на вопрос мой, дай ответ, – не отрывая взора от окна, рычу я.

– Гениальный писатель совместил в героине совершенно противоположные черты характера. Святая грешница, порочная дева.

– Шлюха и святая, — одновременно, проще говоря, – раздражённо выкрикиваю я и перевожу глаза, полные ненависти на Тариэла. – Где Рома?

– А вот, Толстого не особо люблю. Знаешь, его Наташа Ростова, уж слишком слащаво-возвышенная получилась. Мечта каждого: умная, весёлая, искренняя, правда, немного капризная и наивная, но это даже придаёт ей шарм. В такую легко влюбится, а вот Соню полюбить непросто.

– Эта женщина, Наташа, и после тысячи с лишним страниц по-прежнему улыбается, – отчуждённо, с сарказмом отвечаю я.

– Да, Наташа Ростова прекрасная, но на редкость скучный персонаж. Только настоящий мужчина, сможет рассмотреть сильную и волевою женщину. Слабый будет выбирать серую мышку, которая не затмит его эго.

– Тариэл, хватит уже вдаваться в литературный анализ героев, – поднимаюсь с дивана и требовательно продолжаю, – ответь на вопрос! Рома жив?

Грубые черты лица мужчины немного смягчаются, он бесшумно встаёт и уверенной походкой приближается ко мне.

Вглядываюсь в невысокого, полного мужчину с неправильными чертами лица, даже можно сказать, его внешность была некрасивая. Орлиный профиль отталкивал, но при этом было, что-то в нём элегантно, харизма, наверное.

– Да, сволочь. Да, мерзавец. Но при этом так изысканно объяснился мне в самых нежных чувствах, правда, сравнив с проституткой, – мелькнула мысль в моей голове.

– Забей ты на этого Архангела, ну не полюбит он тебя, – настойчиво продолжал Тариэл. – Такая женщина, как ты, достойна настоящего мужчины. Неужели, готова терпеть унижения со стороны этого сосунка.

Надменно кривлю губы и с негодующим видом, заявляю, – Лёша меня любит. Я знаю это, просто такой человек, как он, неспособен ярко выражать свои эмоции.

Слышу неприятный тихий смешок, который раздаётся после моей неуверенной фразы.

– Дурочка, ты жаждешь любви, но в ответ получаешь лишь холод и пренебрежение.

Сурово свожу брови и, придав глазам угловатую форму, окидывая взглядом Тариэла, спрашиваю, – и ты, тот самый мужчина, который способен подарить мне любовь?

Мужчина ласково берёт мою руку и прикасаясь губами, нежно шепчет, не разрывая телесного контакта, между моей рукой и его губами, – да, я тот человек, который способен искренне полюбить тебя. – Мне неважно прошлое, оно прошло, меня не интересует будущее, оно туманно, я живу настоящим.

– Если ты причинил вред Соколовскому, – запинаясь и обречённо опускаю веки, осознавая, что все мои угрозы, абсолютно бессмысленны и невыполнимы.

– Что, тогда? – с театральной наивностью, спрашивает Тариэл и сильно сжимает мою руку, видимо, ожидая, что я начну угрожать.

– Тогда между нами ничего не может быть. Я не смогу ответить взаимностью человеку, который убил моего близкого друга, – печально простонала я.

– Жаль, – с досадой вздохнул мужчина. – Значит, моя зародившаяся надежда, погасла. Моя горячность сыграла злую шутку, а мои необдуманные поступки, привели к необратимым последствиям.

Резко выдёргиваю свою руку, отхожу.

Замираю, ощутив спиной стену и гневно констатирую, – убил. Ты убил, Романа!

Тариэл озадаченно приподнимает брови.

– Ангелина, давай без истерик, – более требовательно проговорил он. – Ненавижу бабские слюни и сопли. Ты сама знала, куда лезешь. В белых перчатках в жестоком мире криминала остаться не получится.

Судорожно провела пальцами по холодному лбу.

Тариэл молчал...Его морозное молчание усиливало панику.

– Если ты убил Романа, то напрасно думаешь, что Архангел впадёт в уныние. Он отомстит за друга. Ненависть придаст ему сил.

Хорошо знала Архангела. Смерть друга надломит его, но не сломает. Он упадёт, но собравшись с силами, оттолкнётся от земли, и вот тогда его никто не остановит.

– Ангелина, не думал, что ты такая наивная женщина. Алексей сломлен. Осталось чуть-чуть надавить, и он сломается пополам.

Жить с разбитым сердцем — всё равно что жить полумёртвым, а это не то же самое, что быть наполовину живым. Полумёртвый и есть полумёртвый. Это не жизнь. Прекрасно осознала, что жить без Архангела не смогу.

— У тебя никогда не было такого ощущения... Будто всё, за что ты принимаешься, обречено на неудачу? ... Будто ты в бездне несчастья, да так глубоко, что даже не видно солнца над головой? Я чувствую, что как бы я ни старалась... У меня недостаточно сил, чтобы выкарабкаться из этой дыры.

Тариэл с недоумевающим выражением лица скользнул по мне равнодушным взглядом.

— Точно. Правильно говорят, что все бабы дуры. Ангелина, зачем тебе нужен Архангельский. Он же хромая лошадь. Неудачник.

Озлобленно фыркнула, уверенно взмахивая головой.

— Тебе не понять. Я его люблю.

Презрительный мужик приглушённо рассмеялся, сосредоточенно сканируя липким, отвратительным взглядом.

Тариэл активно замотал головой.

— «Холодная» личность любить не умеет, нет у неё чувств, подавлены. Но она путает любовь с желанием обладать ресурсами другого, особенно эмоциональными, поэтому в таких отношениях сразу будет много претензий и конфликтов, которые и разжигают страсть и эмоции, чем личность и наполняет себя. И у неё срабатывают чувства на ресурсы другого, на наполненность другого ресурсами, что она и путает с любовью.

Наглец подло хихикнул.

— Мужчина в отношениях с такой женщиной начинает терять силы и успешность. Если раньше был успешен, то в таких отношениях он начинает чувствовать себя неудовлетворённым постоянно, из-за чего его внимание переключается на неудачи, и жизнь начинает рушиться.

Опустошённо усмехнулась.

— Мне плевать. Ты можешь, что угодно говорить. Но предупреждаю, что если...

— Рот закрой, — внезапно разъярённо скомандовал Тариэл. — Не смей мне угрожать, девочка. Ты полностью в моих руках. Не забывай, что у меня есть что рассказать про тебя твоему любимому Архангелу.

Нервно выдохнула.

— Ты хоть понимаешь, что будет с тобой, когда Архангел узнает, что ты похитил Романа? А если не дай бог, ты его убил, то он тебя на куски порвёт.

— Послушай, женщина, успокойся и приди в себя. А далеко не такой дурак. И предпринял все меры предосторожности. Архангел никогда не узнает, что я причастен к похищению Соколовского. Если, конечно, ты ему не расскажешь.

Глава 3. Наташа

Вина моя, мой верный спутник,
И ложь, окутала пути,
Не позволяя трепетному сердцу,
В полную силу биться в груди!

– Уснул, мой сладкий медвежонок, – тихо-тихо шепчу я, чтобы не разбудить своё маленькое сокровище.

С умиротворённым выражением лица смотрю на сладко спящую дочку и всем сердцем ощущаю безграничную материнскую любовь.

Пребываю в состоянии покоя и удовлетворения.

Бережно, очень аккуратно провожу пальцами по личику малышки. Она моё счастье! Теперь в моей жизни появился смысл.

Тяжело вздохнула и, убрав руку от мирно сопящего ангелочка, невольно вспомнила Архангельского.

Этот человек причинил мне столько зла...

Но он является отцом моего ребёнка. Отчаянно замотала головой.

Нет... Нет... Нет...

Он лишь биологический материал. Моя дочь никогда ничего о нём не узнает.

– Детская невинность и непосредственность противопоставлена извращённому и холодному миру рассудочной взрослости, – с болью на душе, думаю я. – С рождения Варю окутывают неосознанные паутины лжи.

Виновато опускаю глаза, чувство стыда, словно горячая лава, обжигает моё беззащитное сердце. – Я обрекла дочь жить в обмане, – жалобно простонала я. – Но, эта спасительная ложь, иного выхода у меня не было. Любая мать стремится защитить своего ребёнка, – всеми силами пыталась оправдать свой поступок я.

Возможно, когда она вырастит, я расскажу ей правду. А может и нет. Зачем ей знать, что её отец – жестокий и бессердечный монстр!? Пусть уж лучше думает, что он погиб. Сгнил. Пал смертью храброго воина.

Суежливо заводи́ла глазами. Со временем придумаю легенду. Скажу, что он космонавт и навсегда пропал в космосе.

Робко усмехнулась. Не желала смерти Архангельскому, я даже не грезилa возмездием. Мне нужно лишь одно. Жить спокойно вдали от этого человека. Молила бога, чтобы он никогда нас не нашёл. Невольно сердце учащённо застучало.

Мгновенно отогнала страшные, угнетающие мысли. Архангел нас никогда не найдёт. Я для него умерла, о существовании Вари он даже не знает. И никогда не узнает. Я умерла для него, Архангел умер для нас.

– Детство, беззаботный момент в круговороте времён, – ласково провожу по мягкому животу малышки, наслаждаясь теплом своего родного человечка. – Пусть бог убережёт тебя от моей судьбы. Избавит от мерзавцев и подлецов, особенно от главаря всех подонков, который по ужасному велению судьбы, является твоим биологическим отцом.

При мысли об Архангельском, на моём лице появляется неприкрытая злость, а глаза наполняются ненавистью, отражая истинное отношение к мужчине.

Прислушиваюсь к вздохам Варвары, которые звучат как улада для моих ушей, беспечно расслабляюсь и вновь отгоняю негативные эмоции, которые ещё секунду назад одолевали моё сознание.

Снова моё внимание всецело и полностью переключается на родного человечка, безмолвно шевеля губами, беззвучно произношу, – ты мой блаженный, райский островочек посередине бушующего моря, коварно жаждущего поглотить меня. Клянусь, малышка, что сделаю всё возможное и невозможное, чтобы ты была счастлива.

Нехотя отхожу от кровати и аккуратно, без единого звука, беру планшет.

– Ладно, посмотрим, что сегодня происходит в стране, которая гостеприимно приютила нас у себя, – негромко проговариваю я и удобно устраиваюсь на кровати, подложив несколько подушек себе под спину.

– Митинги, демонстрации и протесты, – с огорчением читаю первые полосы новостной ленты. – Весь мир сошёл сума, либо митинг, либо война, – возмущённо произношу я и быстро прикрываю рот рукой.

Бесшумно приподнимаюсь и внимательно смотрю на дочку, убедившись, что своими недовольными возгласами не потревожила безмятежный сон дочки, облегчённо выдыхаю и принимаю прежнее положение.

– Да, в таком ужасном мире придётся жить моему ребёнку, – обречённо подумала я. – И её единственной опорой в жизни будет только мама, и это при живых-то бабушке и дедушке, а также дяде. Но, они даже не подозревают о существовании Варвары, – с грустью ухмыляюсь я. – Твои близкие похоронили тебя при жизни, ты виновата в том, что они испытали и продолжают испытывать боль от потери родного человека, – острыми коготками скребёт моя совесть по страдающей душе.

Поднимаю голову и пытаюсь сдержать слёзы, которые предательски наполняют мои глаза, оправдательно успокаиваю себя, – твоей вины в их горе нет, во всём виноват Архангел. Этот преступник, бандит заставил тебя покинуть родных и близких людей.

– Гори в аду, исчадь зла, – злобно прорывалась я и крепко сжала дрожащими пальцами планшет. Мои собственные страдания и, сожаления в связи с тем, как несправедливо, со мной обошлась судьба, усиливаются, под воздействием тоски.

Решительно смахиваю слёзы с лица и мысленно дала себе установку, – Наташа, себя жалеют лишь слабые люди, потерявшие смысл жизни. – Твой же источник всю функционирует, правда пока вышел из строя и мирно набирается сил, – весело хихикаю я себе под нос.

– Так, посмотрим, какие новости, в нашем родном краю, – опускаю глаза и начинаю нетопливо забивать в поисковик интересующую меня информацию.

Зрачки непроизвольно увеличиваются, я близко подношу планшет к своим хлопающим глазам и судорожно читаю про себя: «Леденящую душу происшествие произошло с влиятельным бизнесменом Романом Соколовским».

Лихорадочно провожу пальцем и перехожу по ссылке, сосредоточенно продолжаю читать дальше: «Вчера вечером, недалеко от лесного массива, были обнаружены трупы шестерых охранников, которые, по предварительным данным, работали на бизнесмена Романа Соколовского. Тела находились возле автомобилей марки «Ланд Крузер», на которых выявлены след пулевых отверстий. Как сообщили представители ГУ МВД ..., причиной смерти стали огнестрельные ранения, которые были совершены неустановленными лицами. Сам Соколовский на месте происшествия не обнаружен, его местонахождение до настоящего момента не установлено. В случае получения дополнительной информации мы незамедлительно сообщим нашим читателям...».

– Настя, дети, – машинально произношу я и начинаю бегло читать всю информацию, которую мне предоставляет интернет.

– Пи...дец, – непроизвольно ругнулась матом.

Откинула планшет, понимая, что все статьи содержат одну и ту же информацию, лишь слова местами меняются.

Растерянно осматриваю комнату и натываюсь глазами на телефон, который одиноко лежит на тумбочке. Торопливо спрыгиваю с кровати, хватаю средство связи и на цыпочках покидаю спальню, предварительно прикрыв за собой дверь.

На ходу набираю номер Сергея и шепчу, теряя остатки самообладания, – ну же, бери трубку. Давай бери трубку.

Душа яростно металась в душе. Боже! Нахожусь за тысячей километров от подруги, которая была для меня как сестра, и совершенно ничем не могу помочь. Не только своим родителям причинила огромную, неутолимую боль, но и Анастасии. Осознавала, что она никогда не смирится с потерей близкого друга. Чёрт! Теперь на неё свалилась новая, ужасная напасть. Вот куда опять вязался Соколовский? Вроде он отошёл от криминальных дел? Но судя по новостям, криминальный мир его не оставил.

Крепче сжимаю телефон трясущимися руками. Дрожь терзала каждую мою частичку.

Боже! Настя столько пережила, как же я надеялась, что теперь она сможет спокойно жить с любимым мужчиной. Они столько прошли. По-настоящему выстрадали своё счастье.

Лишний раз убеждалась, что мир слишком жесток и несправедлив... Подлые, лицемерные твари жируют и пируют, а честные и справедливые вечно страдают.

– Наташа, что случилось? – Растеряно, и взволнованной раздался мужской голос.

Громко выдохнула.

– И тебе здравствуй, Сергей, – приветствую друга и, не давая произнести ни слова, сразу же спрашиваю, – что там у вас, чёрт возьми, происходит? Почему я из новостей узнаю, что Соколовский пропал? И что случилось с Настей, она в порядке?

– Наташа, – свирепо закричал Сергей. – Ты, что совершенно лишалась инстинкта самосохранения, да сейчас весь город на ушах стоит, а ты, ничуть не беспокоясь о собственной безопасности, звонишь мне. У тебя с головой всё в порядке?

– Какие инстинкты, какая на х.й безопасность, моя подруга в беде, – хлётко произнесла я. – Говори, что происходит? Немедленно отвечай на вопросы.

Безумное волнение напрочь сорвали все барьеры. Тёмная пелена окутала глаза, я даже не могла спокойно дышать.

Слышу тяжёлое дыхание Сергея, даже на расстояние чувствую его гнев, который имеет право быть, но по-другому поступить я не могла.

– Наташа, я сам ничего толком не знаю. Сама понимаешь, после твоего «типа» гибели, перестал общаться с Настей, наша связь была утеряна. Но, могу с уверенностью заявить, что на Соколовского наехали крутые ребята, поговаривают, это дело рук Тариэла.

Нервно сглатываю густую слюну.

– Безумие, какое-то творится в городе. Многие опасаются, что теперь начнутся кровавые разборки. В городе становится очень опасно.

Крепче сжимаю телефон и, как можно, спокойнее, внятно произношу каждое слово, спрашиваю, – Серёжа, Рома жив?

Тревога разрывает моё сердце.

– Это мне не известно, знаю только, что Архангельский организовал охрану для Анастасии, теперь её дом охраняют, словно Букингемский дворец. Не переживай. Ей точно ничего не угрожает. Ни ей. Ни детям.

– Понятно, – сухо заявляю я. – Давай до связи.

– Наташа, подожди, не бросай трубку, – снова перешёл на требовательный крик Сергей. – Ты чего задумала, девочка?

– А, ты как думаешь? – Грубо отвечаю вопросом на вопрос.

Моё психическое состояние не позволяет рационально посмотреть на ситуацию. Паника, вот естественная реакция моего организма на неожиданную опасность, застигнувшая меня врасплох.

Прижимаю ладонь к груди и прислушиваюсь к пульсирующему сердцу, которое готово пробить рёбра и выскочить из моего возбуждённого тела.

Первое, что приходит в голову в этой сумасшедшей, дьявольской суматохе, так это бросить всё и лететь в столицу. Сама не знаю, чем могу помочь Анастасии, но уверена, что должна быть рядом. Буквально воскресну из мёртвых!

– Наташа, я с тобой болезнь заработаю, и без того вся нервная система расшатана, – мрачно и укоризненно сообщает друг. – Если ты решишь вернуться, подвергнешь себя и малышку необоснованному риску. Архангельский тебя убьёт и положит в могилу, где сейчас находится труп псевдоНаташи. Скажи, тебе жить надоело? Ёб....сь. Даже не думай возвращаться в город. Если, конечно, тебе жизнь дорога.

– Нет, – только и смогла промямлить я, ощущая, что к горлу подступает комок, который не позволяет нормально разъясняться. – Я всё понимаю. Осознаю, что это огромный риск.

– А, раз нет, то сиди молча и не высовывай свой длинный нос, пока не прищепили, – командным тоном произносит Сергей. – Обещаю, я буду тебя обо всём информировать, даже могу позвонить Насти, только не гарантирую, что она трубку возьмёт.

Понимаю, что Сергей пытается всеми силами успокоить меня, подарить ложную надежду, только вот временное утешение мне ни к чему.

– Серёжа, а теперь слушай сюда, – ловлю себя на мысли, что в очередной раз выражаюсь как Архангельский, когда он прибывает в крайне взбешённом состоянии.

– Извини, – смягчаю тон, но не снижаю градус своего напора, – мои друзья попали в крупные неприятности, а я буду сидеть как мышка в норке. – Нет, Серёжа, я и так уже пожалела, что сбежала, спрятала голову в песок, вместо того, чтобы решать свои проблемы.

– Ты спасла свою жизнь и жизнь ребёнка, – эмоционально выражает своё несогласие друг. – К тому же если ты вернёшься и попадёшь в кровожадные руки этого маньяка, безумца в квадрате ... – замолкает Сергей, не желая более подробнее описывать мою незавидную участь.

Враждебно кривлю губы в злорадной улыбке и жёстко произношу, – пусть сам ложиться в могилу. Затем перевожу дыхание, заявляю, – к тому же сейчас Архангелу, точно, будет не до меня. Я незаметно, ну, если, конечно, ты мне поможешь, свяжусь с Настей...

– Наташа, как ты незаметно свяжешься с Настей? – Стремительно реагирует Сергей, на моё недосказанное предложение. – Ты наивная девчонка, полностью потерявшая инстинкты самосохранения. Себя подставишь и других «под монастырь подведёшь». Этот же изверг, сразу, как узнаёт, что ты жива, выбьет из тебя всю информацию. Наташа, приди в себя. Успокойся и не предпринимай никаких опрометчивых решений.

– Если узнает, ключевое «если», – уверенно произношу я.

– Вот это упорность, ты прекрасна в своём безумии, – иронизирует мужчина. – А, знаешь, иногда мне кажется, что вы с Архангельским подходите друг другу. Вы напоминаете антигероев из фильма, а персонажей этих величаю не иначе как Джокер и Харли Квинн.

– Возможно, только с той разницей, что Харли Квинн пусть и изощрено, маниакально, но любила Джокера, а в моём сердце живёт лишь ненависть, – холодно прорычала я. – Ладно, не хочешь, не помогай, неволить не стану, ты реально в своём праве.

– Бл..ь, – опять в моей голове мелькнуло крепкое словцо, когда поняла, что опять пользуюсь лексиконом Архангела, мне даже кажется, что не специально, но тон его копирую.

– Нет уж, я в этом деле до конца, – стонет Серёга. – Я купил билеты на первый ряд и теперь жажду досмотреть фильм до конца.

– Нет, Серёжа, ты в этом фильме герой, а не зритель, – отрешённо подумала я и окончательно погрузилась в себя.

Судорожно строила в голове план своего прибытия, озадаченно обдумывала способ тайного проникновения в свою родную страну.

– Сукин сын, из-за него стала беженцем, – не сдержав нахлынувших гневных эмоций, вслух высказала свои мысли я.

– Наташа, ты с кем-то ещё разговариваешь? Какие беженцы? – слышу голос Сергея и, игнорируя его вопрос, требовательно заявляю, – Серёжа, никому не говори о моём звонке.

– Сумасшедшая девчонка! – провозгласил мужчина. – Кому я сообщу, Архангелу за огромное вознаграждение, – с обидой произнёс Сергей.

– Прости, – осознаю, что несправедливо и безосновательно подозреваю человека, который рискнул всем и помог мне в трудную минуту. – Просто я реально нахожусь в состоянии паники, – мой взгляд становится отстранённым, ноздри и губы трепещут, ощущаю шум в ушах, сознание меркнет.

– Друг, это кошмар, окончательно не могу поверить в происходящее, – безнадёжно заявляю я.

– Понимаю, но не одобряю твоих поступков, – снисходительно произносит Сергей.

– Ладно, сейчас куплю билеты и отправлю тебе СМС с датой и временем прибытия, – чётко произношу я, желая поскорее окончить томительный разговор.

– Хорошо, раз я не могу тебя убедить, – печально отвечает друг. – Жду СМС.

– До встречи, друг, – с нежностью в голосе, но обречённым тоном, прощаюсь я.

Чувствую, что ноги становятся ватными, опускаюсь на колени и провожу ногтями по лицу, безжалостно царапая кожу. Но физическая боль, несравнима с моральными страданиями, которые поедают меня.

– И это только начало, мой ад только начинается!

Единственное состояние, из которого стоит выйти, это обречённость — единственное, которого стоит достичь, это счастье.

Только будучи счастливым человеком, и без внешних вмешательств, мы способны пробудить в себе силу абсолютной любви к этому миру.

Нельзя более скрываться...

Несколько лет назад...

Привет, родная, – голос Алексея звучал нежно, но я-то как никто иной знала, что за личиной доброты и ласки скрывается кровожадное, беспощадное животное, которое способно лишь ломать и подавлять волю.

Медленно положила телефон на стол и поднявшись с дивана, подошла к Архангелу, внимательно посмотрела в его уставшее лицо и, опустив глаза, заметила на вороте белоснежной рубашки следы ярко-красной помады, буквально кровавого цвета.

Нет никакой ревности, лишь признание, — надменно усмехнулась и, сведя руки на груди, кивнула.

– Что ночь прошла бурно?

– Что? – Удивлённо провозгласил мерзавец и, последовав за моим взглядом, мгновенно заметил след помады. – Наташа, это не то, что ты думаешь. Ангелина поцеловала меня на прощание.

Приглушённо и брезгливо рассмеялась. Конечно, наш Ангел тот ещё ворошиловский стрелок. Её похотливые губки промахнулись. Ехидно хохотнула. Не исключено, что она метила гораздо ниже шее.

– Послушай, может хватит постоянно конфликтовать. Я уже не знаю, что мне ещё сделать, чтобы ты прекратила вести себя как стерва, – Архангел бережно, но довольно решительно схватил меня за плечи и сосредоточенно посмотрел в мои пустые глаза.

Стерва? Бесподобно! Я стерва, женщина, которая всего на всего желает сбежать из-за ненавистного плена. Мерзавец! Подонок. Как же ты не понимаешь, что мне мучительно больно дышать рядом с тобой одним воздухом, не то, чтобы жить в одном доме?

Слегка прищурилась и увидела в глубине его глаз искру, огненную, убийственную... Всё он прекрасно понимает. Специально мучает меня, получая неистовое удовольствие.

– Так не живи со мной? – Грубо скинула его ослабленные руки с моих плеч. – Отпусти меня, Лёша. Мы с тобой не можем жить вместе. Ты же всё понимаешь.

Говорила твёрдо и решительно, из последних сил стремилась достучаться до его жестокого сердца.

– Б...ь, – рывкнул Архангел и, обойдя меня, устало упал на диван и схватив бутылку виски, плеснул себе алкоголя. – Я тебе тысячу раз говорил, что никуда тебя не отпущу. Нас только смерть разлучит. Поэтому, детка, жди моей кончины, – он изобразил траурное выражение лица и приподняв стакан, залпом выпил всё содержание ёмкости.

Сукин сын! Гневно сжала пальцы в кулаки, яростно впиваясь когтями в кожу. Твоей кончины мне не дожидаться. Ненавистно скользнула по нему взглядом. Отлично. Раз только нас смерть разлучит, значит, именно её я призову.

Искусство любви и привязанности заключается в уважении и взаимопонимании. Насильственные попытки завладеть чьим-то вниманием или привязать к себе могут временно дать результат, но в итоге они приведут к разочарованию и потере. Поговорка "Насильно мил, не будешь" становится напоминанием о том, что истинная свобода в отношениях приходит от осознания и уважения чужой воли.

Истинная сила взаимной любви проистекает из внутренней уверенности и любви каждого индивида к себе. Когда каждый человек осознаёт и ценит свою уникальность, это способствует созданию гармоничных отношений, где любовь не навязывается, а является естественным проявлением внутренней радости и уважения. Понимание, что нельзя заставить кого-то любить себя, становится фундаментом для здоровых взаимоотношений, основанных на взаимном уважении и поддержке.

Архангельский слегка поморщился, ощущая горький напиток и резко поставив стакан на стол, сквозь плотно сжатые зубы процедил, – что уже разрабатываешь план, как от меня избавиться?

Безразлично усмехнулась, игнорируя его вопрос.

– Чёрт, Наташка, неужели я тебе настолько противен?

Алексей неспешно встал на ноги и подойдя ко мне, нежно провёл ладонью по моему бледному лицу.

– Я же ничего особого не прошу. Лишь прояви покорность.

– А почему ты от меня что-то требуешь? Почему бы тебе не осознать, что я взрослый человек, который вправе самостоятельно принимать решения, – холодно отчеканила каждую букву. – Ты не имеешь права меня шантажировать. К чему-либо принуждать. Лёша, я тебя не люблю и никогда не полюблю.

Лицо Архангела стало непроницаемым, он хищно всматривался в мои глаза, ни на миг, не отрывая опасного взора, и плотоядно пожирал каждую мою клеточку.

Сердце дрогнуло.

– Знаешь почему?

Невольно опустила глаза. Уже не была уверена, что желаю получить какие-то ответы.

Архангел грубо обхватил пальцами мой подбородок и заставил поднять голову.

– Потому что у меня есть власть, деньги, могущество. А ты лишь маленькая, никчёмная девочка с шикарным телом и миловидной физиономией.

Мерзавец упивался своей доморощенным могуществом, каждой фразой пытался унижить меня, доказать, что я ему обязана быть благодарна, за то, что такой мужчина, как он обратил на меня внимание.

«Насильно мил, не будешь», подчёркивается важность взаимного уважения и принятия, мы создаём основу для качественных межличностных связей. Наконец, она является путеводителем в области внутренней мотивации и личностного роста, напоминая нам о необходимости стремиться к целям, которые отражают наши собственные убеждения и страсти. Таким образом, поговорка становится не только философским принципом, но и практическим руководством к трансформации жизни к лучшему.

Архангельский не умеет создавать, этот человек умеет лишь разрушать...

– Так оставь меня. Избавь от своего общества. Мне не нужна такая честь. Я тебя недостойна, – прошипела как ядовитая змея, горько сожалея, что не обладаю ядом.

Была бы такая возможность-то, не задумываясь бы, убила его. Уничтожила. Стёрла с лица земли. Его смерть – это вовсе не зло, а спасение. Он причиняет вред не только мне, а всем людям, которые рядом с ним.

Инстинкты кричали, отчаянно предупреждали, что провоцировать зверя слишком опасно, но мне было уже всё равно. Этот ублюдок давным –давно убил мою душу, осталось лишь тело.

– Сука, – зарычал Архангельский, безжалостно сжимая мои плечи. – Я из кожи вон лезу, чтобы тебе было хорошо. Б...ь, – его пальцы ещё сильнее впились в нежную кожу. – Но с тобой без жестокости нельзя. Детка, признайся, тебе нравится провоцировать меня. Желает, чтобы я проявлял грубость.

Ненависть, словно ядовитый клинок проникал в самое сердце.

– Алексей, как же ты не можешь понять, что насильно мил не будешь. Я тебя не люблю. И никогда не полюблю.

Архангельский яростно отталкивает меня от себя, едва-едва удерживаюсь на ногах, с болезненным выражением лица, невольно провожу пальцами по горячей коже.

– Хорошо. Если ты по-хорошему не понимаешь. Будет по-плохому.

Робко приподнимаю подбородок.

Почему Архангел, как одержимый, преследует меня. Не отпускает. Он может позволить себе любую женщину, но словно околдованный, преследует женщину, которая его ненавидит.

– Почему?

Архангельский удивлённо приподнимает брови.

– Что почему?

– Почему ты не отпускаешь меня? Лёша, твоё поведение ненормальное. У тебя миллион баб. И каждая мечтает оказаться в твоей кровати.

Архангел молча кивнул.

– Это правда. Только вот они мне совершенно не нужны. Мне нужна ты.

Язвительно усмехнулась и нервно провела пальцами по лицу.

– А ты ещё скажи, что полюбил меня.

Лицо мужчины стало сосредоточенным.

– А если я действительно полюбил тебя.

Угрюмо опустила глаза.

– Это невозможно.

Логика в том, что не нужно насильно заставлять человека быть с тобой. Ведь если ты действительно любишь, то хочешь, чтоб человеку было хорошо, чтоб он был счастлив, пусть даже не с тобой. Поэтому если он в данный момент не хочет быть с тобой, а ты его любишь, то самым адекватным вариантом будет действительно отпустить, то есть не заставлять человека любить тебя и быть с тобой против его воли. Иначе это уже какое-то насилие получится.

Логическая цепочка выстраивается, на мой взгляд, вполне адекватная: Любишь, равно хочешь, чтоб человек был счастлив.

Человек несчастлив именно с тобой, делаешь его счастливым, отпустив потому, что любишь. Так вот, если ты не хочешь отпускать, видя, что человеку с тобой плохо, то это эгоизм чистой воды. Потому что в этот момент ты думаешь лишь о себе и о том, как тебе без него плохо, а не о том, как ему с тобой плохо. И опять же, если по прошествии времени человек, которого ты отпустил, снова к тебе вернётся, то это и есть настоящая любовь. Значит он всё же понял, что с тобой ему хорошо иначе бы не вернулся). Так что эти банальные, казалось бы, постулаты реально работают, и к ним стоит прислушиваться. Но Архангельский не способен совершить жертву во имя любви. Он ведёт себя как избалованный, капризный ребёнок. Хочу и всё! И плевать на чужое мнение.

Глава 4. Архангел.

Любовь как высшая награда,
лишь тому дана, кто ненависть ощутив сполна,
смог погубить ее до конца!

За окном льёт проливной дождь, который барабанит по окну, вызывая чувство тоски. Создаётся впечатление, что даже природа скорбит, оплакивает неизбежность. Солнце скрылось, неожиданно пропал даже след светила.

– Дорогой, расслабься, – игриво промурлыкала Ангелина. Почувствовал горячее дыхание девушки, которая нежно коснулась своими губками моего уха. Тёплые пальчики пробежались по моей шеи и спустились к напряжённым плечам.

– Ангел, – устало выдохнул я, поднялся с кресла и подошёл к окну, печально констатируя, – сегодня был у Насти, девочка совершенно расклеилась. – Она смотрела на меня так, как будто бы это я виноват, что Рома пропал.

– Архангел, – с усмешкой произнесла Ангел, – неужели, чувство вины зародилось в твоём каменном сердце.

Бессильная улыбка коснулась моих губ, попытался скрыть свои истинные чувства, которые мучали меня, не позволяя рационально мыслить.

Ангелина подошла ко мне и вновь её пальчики коснулись моих плеч. Девушка склонила голову и несмело улыбаясь, прижалась соблазнительными губками к пульсирующей вене на шеи.

Глухой стук послышался за спиной, что странным образом, всполошило Ангелину. Она испуганно отстранилась от меня и растерянно отошла, судорожно потирая ладони.

Развернулся в сторону двери, скрестил руки и, сурово сузив глаза, крикнул, – войдите.

В кабинете незамедлительно появился Сизый, который быстрым шагом преодолел расстояние между нами, запыхавшимся голосом, начал вещать, – Архангел, мы прочесали всю лесополосу, но все усилия напрасны. Реально работали профессионалы.

Непроизвольно опускаю брови, взгляд становится заострённым, прищуренным, фиксирующимся на Сизом.

– Профессионалы, твою мать! А, вы кто? Клоуны из цирка! – выплёскиваю свой гнев и раздражение, считая, что именно Сизый главный источник неудачи.

– Архангел, мы всё делаем, что от нас зависит. Наладили работу с ментами, – оправдывается паренёк, пытаясь предотвратить очередную вспышку гнева.

Беззвучно убийственным взглядом смотрю в глаза Сизого, который не выдерживает моего зрительного контакта, опускает голову. Углы рта теряют свою округлость, становятся резко очерченными. С неистовой силой хватаю за ворот рубашки паренька, так что ткань затрещала и, сжимая пальцы рук, замахиваю кулаком на объект моей ярости.

– Лёша, не надо, – громко проскулила Ангелина и, подбежав ко мне, схватила двумя руками мою руку, буквально повиснув на мне.

Не рассчитав силу под воздействием эмоционального волнения оттолкнул девушку. Ангел отлетает в сторону, ударяется спиной о стену и обессиленно падает на пол.

– Ангел, – прокричал я, разжав пальцы позволяя Сизому освободиться от моей хватки. Подбежал к Ангелине, схватил за плечи и помог женщине подняться на ноги.

Лицо Ангелы исказилось в болезненной гримасе, дрожащими губами, она прошептала, – Архангел, ты словно взорвавшаяся бомба. – Ударная волна, без разбора всё сметает на своём пути.

– Прости, – нежно провожу ладонью по спинке Ангелины и с сожалением заглядываю в огромные глаза.

– Архангел, – слышался голос Сизого, – я не сказал тебе самого главного.

Мы с Ангелиной одновременно перевели требовательные взгляды на паренька. Ангелина аккуратно скользнула своими ладошками по моей груди, стараясь успокоить меня, её пальчики ласково сжали мою рубашку, пытаясь удержать на месте.

Неподвижно стоял, молча сверлил глазами Сизого. Не выдержав повисшего томительного молчания, закричал, – твою мать, Сизый, что язык проглотил. – Что ещё случилось?

На лице Сизого отразилось беспокойство, которое для меня было необъяснимо, но явно понимал, что мужчину одолевает тревога. Инстинктивно предчувствовал, что Сизый сейчас сообщит важную новость, которая изменит мою жизнь.

Мужчина робко достаёт телефон, несколько секунд водит пальцем по экрану, а затем, поднимает страдальческий взгляд на меня, произносит, – Архангел, как ты и велел, мы взяли на контроль всех, кто был связан с Соколом.

Отвёл глаза и удручённо скривил губы, пытаясь правильно сформулировать фразу, опасаясь моей бешеной, молниеносной реакции.

– Сизый, мне каждое слово из тебя кулаками выбивать, – злобно прорычал я. Раздражение бушевало внутри меня, негодование заставляло силой выбить из паренька всю информацию.

– Мы засекли телефонные переговоры Сергея Воробьёва, того парня, который водил дружбу с Настей и Наташей, – прерывисто дыша, с застенчивостью произнёс Сизый.

С интересом наблюдал за мужчиной, терпеливо молчал, ожидая, что же дальше поведает моей охранник. Внезапно почувствовал, что Ангелина впилась ногтями в мою грудь, нежные прикосновения, сменились царапающими кожу движениями.

– Сизый, думаю, сейчас не лучшее время, – гневно зашипела девушка. – Позволь, мы побеседуем с Лёшей наедине, – настойчиво потребовала девушка, продолжая цапать мою грудь. Конечно, болезненных ощущений это особо не вызывало, но определённый дискомфорт присутствовал. Непроизвольно вспомнил, как Наташа, в пылу страсти, впивалась своими кошачьими коготками в мою спину, и это вызывало совершенно иные эмоции. Это только воспаляло меня, пробуждая желания.

– Эта девка, даже даря мне райское блаженство, умудрялась кровь пустить.

Бережно отрываю ручки девушки и отстраняюсь от Ангела, недоверчиво смотрю на женщину и подозрительным тоном, спрашиваю, – что тебя так встревожило?

– Ничего, просто беспокоюсь, – с неестественной заботой в голосе, простонала она. Попыталась дотронуться до меня трясущимися ручками, но я с невозмутимым видом отошёл на пару шагов назад и повернул голову в сторону Сизого, который продолжал беззвучно стоять с опущенной головой, сжимая в руке телефон.

– Ты говорить будешь? – командным голосом спросил я.

– Да нечего говорить, – с какой-то неловкостью произнёс Сизый и включил аудиозапись на телефоне:

– Наташа, что случилось? – сразу узнал голос этого щенка, Сергея.

– «И тебе здравствуй, Сергей. Что там у вас, чёрт возьми, происходит? Почему я из новостей узнаю, что Соколовский пропал?», – услышал родной голос из прошлого. От неожиданности присел на диван и лихорадочно провёл по лицу.

– «Наташа. Ты, что совершенно лишился инстинкта самосохранения, да весь город на ушах стоит, а ты, ничуть не беспокоясь о собственной безопасности, звонишь мне», – продолжает вещать презрительный голос Сергея.

Резко поднимаюсь с дивана и молниеносно срываясь с места, подлетаю к Сизому, вырываю телефон и мстительно произношу, – это проверенная информация? – Эта кукла жива?

Не верил своим ушам, доверял глазам, которые видели труп, безжизненное тело, которое лежало на столе в морге. Она перестала быть девушкой, превратилась в холодное тело.

– Это неправда, фикция, – не своим голосом, полного отчаяния и страха, прокричала Ангелина и словно одержимая дьяволом, подбежала к растерянному парню. Не помня себя, как безумная, начала махать руками, ударяя по Сизому. Мужчина беспомощно выставил руки, стараясь уберечь лицо, при этом не предпринимая никаких попыток воспользоваться силой.

– Ангелина, успокойся, – громко приказал я и, схватив девушку за талию, оттащил разъярённую кошку. Тело женщины смягкло, и она посмотрела на меня глазами, полными желания разорвать на куски Сизого. Взгляд отражал ненависть, презрение, боязнь, что ей причинят вред.

– Прости, Сизый, – произнесла с ложным стыдом Ангелина и посмотрела на недоумевающего мужчину.

Неудоумевание, состояние сомнения, колебание и как следствие того, полное непонимание поступков девушки, вот как можно было охарактеризовать и моё состояние.

– «Архангельский тебя убьёт и положит в могилу, где сейчас находится труп псевдоНаташи. Скажи, тебе жить надоело?» – раздался голос Воробьёва, только сейчас понял, что аудиозапись продолжает работать, поднимая телефон и грозно командуя, – перекинь мне запись.

В душе зародились двойственные чувства, этот паренёк озвучил угрозы, которые я вполне способен был воплотить в жизнь. Меня разрывали противоположные внутренние побуждения. С одной стороны, моё сердце ликовало, в душе поселились вера, надежда, готовность совершить любые глобальные дела. Желал обнять свою малышку, сильно сжать её в своих объятиях.

– Мёртвой хваткой так чтобы кости затрещали, и воздух перестал попадать в лёгкие, – злорадно, с желанием удовлетворить чувство справедливости, подумал я.

– Наташа возвращается завтра, в пять утра, – мрачно отрапортовал Сизый и, предусмотрительно попятившись назад, добавил, – наши ребята, уже выехали на место и сейчас следят на расстоянии, за Наташей. Извини, не мог с тобой связаться и поэтому принял решение самостоятельно.

– Вот это правильно, – спокойно, но без особой благодарности в голосе произнёс я. – У неё всё нормально? Она беременная была, ребёнок должен был уже родиться, – беспокойное стремление, подтолкнуло меня задавать такие вопросы.

Не успел Сизый ответить на мои вопросы, как раздался крик Воробьёва: «Ты спасала свою жизнь и жизнь ребёнка. К тому же если ты вернёшься и попадёшь в кровожадные руки этого маньяка, безумца в квадрате...», – выключая запись и отбрасывая телефон на диван, со словами, – да, заткнись ты, ублюдок. – Ну, пи...с, я тебе покажу маньяка и безумца в квадрате.

– Архангел, у Наташи родилась дочка. Ребята навели справки, девочку зовут Варвара, фамилия вымышленная, а отчество Михайловна, наверно, отчество..., – поздно замолчал Сизый, уже слишком много наболтал лишнего.

Окончательно потеряв выдержку, высокомерно заявил, – заткнись, тебе конкретные вопросы задали, никому не интересно слушать, почему моей дочери присвоили то или иное отчество.

– А, я что, я ничего, – неуверенно зашебетал Сизый и покосился на Ангелину.

Женщина оцепеневшим взглядом смотрела на меня, еле-еле шевеля губами, промолвила, – с чего ты решил, что это твой ребёнок?

Вопрос Ангелины вызвал в душе отвращение и ярость по отношению к женщине. Даже мысли не позволяю допускать, что Наташа была с другим мужиком, не говоря о том, что родить от другого.

– Шеф, но и это не всё, – громко заявил Сизый. – Наши ребята засекли необычную активность. В общем, за Наташей не только мы следим, но и Лёша-солдат.

Растерянность сверкнула в моих глазах, возмущённо покачал головой, судорожно анализируя полученную информацию.

– Лёша-солдат, штатный киллер? – уточнил я.

– Да, он пока никаких попыток не предпринимает и наших не срисовал, мы ждём твоей команды, – уверенно отпартовал паренёк.

– Глаз с Наташи не спускать, если с ней или дочерью, что-то случится, я тебя живьём в могилу закопаю, – с холодной уверенностью в голосе, объявил свои мысли вслух. – Солдата, задержать, но только на территории нашей страны, за рубежом могут возникнуть проблемы, особенно на границе. Неизвестно, какую задачу перед ним поставили.

– Да, известно какую, у него одна профессия, душу от тела отделять, – с презрением произнёс Сизый.

– Вот и отлично, эта девица смерти заслуживает, – с устрасающим равнодушием, произнесла Ангелина и отвратительный, злоеющий смех раздался в комнате.

– Ангелина, ты что несёшь? – грозно спросил я. – Хватит, выйди, – подошёл к девушке, небрежно схватил за локоть и игнорируя крики, вытолкал её, с грохотом закрыв дверь.

– Сизый, на тебе контроль за Наташей. Завтра, вместе со мной поедешь в аэропорт, мне сообщать о каждом её шаге, о каждом шаге, – прочеканил я.

– А, этого пид...а, Серёжу, то же не трогать? – задаёт вопрос Сизый.

– Бл..ь, Сизый, не тупи! За ним следить, но пока Наташа не окажется в моих руках, его даже пальцем нельзя трогать, – медленно опустил веки и представил, что уже завтра малышка окажется рядом со мной.

– Лёша, а кто будет заниматься поисками Романа? Вернее, я имел в виду, кто будет руководить поисками? – уточнил вопрос Сизый.

С задумчивым видом поднял голову и произнёс, – наверно, Трифу поручу, он парень сообразительный.

– Архангел, думаешь, есть шанс, что Рома жив? – с досадой на лице и скорбящим видом, Сизый подошёл ко мне, с надеждой заглядывая в глаза.

– Надеюсь, – грустно выдохнул я. – Иначе зачем похищать его, могли бы бросить труп. Не вижу смысла для такой ухищрённой игры.

Надеялся, убеждал себя, что Соколовский жив, хватался за каждую возможность, лишь бы не подтвердились худшие опасения.

– Лёша, извини, но ты же знаешь, какие изошрённые игры иногда устраиваются в нашем мире, – жёстко отвечает Сизый.

Хищно сужаю глаза и, оскалив зубы, заявляю, – если ты про отрубленные головы в мешке, так это было давно. – К тому же эти методы используются в отместку, кровная вражда. Когда погибает кто-то из членов группировки.

– Да, а мы поделили сферы влияния и давно никого не трогаем, – озадаченно потерев подбородок, произнёс Сизый. – Но, вот кто-то мог по беспределу пойти.

Широко расставив ноги, скрестив руки, слегка наклонил голову и, глядя на Сизого из-под лба, прорычал, – и кто, решиться по беспределу, ко мне сунуться?

Сизый смиренно поднял руки и слабо слышно, проговорил, – тот же, кто помог Наташе повернуть всю это аферу со смертью. – Не могла она одна организовать всё это, да и этот пацан, конкретный лох.

– Неспособен сделать однозначный вывод, касаясь людей, которые причастны к этому перформансу смерти?

– Чего? – Сизый округлил глаза и недоумевающе посмотрел на меня.

– Да, нечего! Забей, – по-дружески ударил Сизого по плечу и попросил, – пожалуйста, не оплошай. – Мне нужна Наташа в целостности и сохранности.

– Обещаю, для меня Наташа, как сестра, а я за своих горой, – решительно ответил мужчина.

– Лёша, а вот поведение Ангела, тебя не смущает? – скованно спросил Сизый и немного съёжился, словно от холода. – Странно, она неадекватно реагирует, слишком ярко демонстрирует ненависть к Наташе и её ребёнку.

– Моему ребёнку, – гневно поправил Сизого. – А, что до Ангелины, – спокойно произнёс я, – просто бабская истерика. – Думаю, нервы сдали. Да, это и немудрено, на неё постоянно сваливаются неприятности. Мы, взрослые мужики, и то нервы сдают, а здесь девчонка.

– Знаешь, Архангел, есть такие бабы, которые фору дадут любому мужику, нет ничего страшнее обиженной бабы, которую не ценит мужик, – тоскливо заявил Сизый.

Непроизвольно распрямляя рот, отчего он приобретает прямоугольную форму, губы сжимаются, превращаясь в две тонкие параллельные линии, стискиваю зубы, взор становится презрительным, недоверчивым и испепеляющим.

– Лёша, брат, – насторожённо и напряжённо заявляет Сизый, улавливая, что мой гнев, очень скоро выйдет наружу и отразится в действии. – Я не хочу кидать необоснованные предьявы, но сам посуди, кому было выгодно исчезновение Наташи, только Ангелине. Да, и у кого есть, бабло и связи, чтобы организовать аферу века.

Неконтролируемо сдвигаю вниз мышцы лба, выражение глаз становится угрожающим, оголяя плотно сжатые зубы, рычу, – Сизый, эта девочка, целый год боролась за меня. – Она видела, что я погибал, Ангелина неспособна подвергнуть меня такой ухищрённой пытке. Она бы не позволила мне каждый день сгорать.

Сизый громко откашлялся и, опустив глаза, заявил, – Архангел, ты же понимаешь, что Солдат непроста, так вышел на Наташу. – Кто-то уверенно замечает следы, сначала грохнули патологоанатома, затем пропал Соколовский, и опять по странному стечению обстоятельств, когда вы начали подозревать, что Наташа жива. Наташа, последний свидетель, который может рассказать, кто помогал, а, возможно, и подтолкнул её к этому шагу.

– Поймаем Солдата спросим по полной программе, а что насчёт Наташи, не волнуйся, и она за всё ответит, – с дьявольской ухмылкой, ответил я.

– Архангел, ты же никогда не воевал с женщинами, – испуганно пробормотал Сизый. – Много было чего, даже помнишь, эту сучку Машку, которая крысятничеством занималась, ты и то пощадил, даже по морде не надавав. Просто выкинул, и всё.

С горькой ухмылкой на лице, немного покачивая корпусом, закладываю руки за спину и обхватывая запястья, расслабленно заявляю, – никто никого не собирается убивать.

Сизый облегчённо выдыхает и умиротворённо отвечает, – правильно нельзя позволять злости руководить твоими поступками. Пусть прошлое останется в прошлом, надо жить настоящим.

– Да, а мёртвые приобретут своё последнее пристанище и будут покоиться с миром в земле, – холодно добавил я.

Сизый интенсивно начал моргать, пытаясь уяснить смысл моих слов, затем нервно сглотнув, тихо спросил, – брат, ты, что задумал? Ты сам себе противоречишь, сам же секунду назад сказал, что не тронешь девушку, а теперь такое выдаёшь.

Меня разъедают двойственные чувства, внутри борются противоположные побуждения, сердце желает уберечь, спасти малышку, но ущемлённая гордость, мужское достоинство требует отмщения, наказания за содеянное.

– И какие противоречия ты нашёл в моих словах, разве мёртвым не положено покоиться в гробу под толщами земли. Я не буду убивать девочку, лишь верну её на своё законное место, – цинично, с холодной улыбкой, отвечаю я. – Я же маньяк, безумец в квадрате. Наташа сама выбрала такую судьбу, предпочла сбежать, опасаясь за свою жизнь. Реально думая, что я способен погубить её и дочь. Надо же оправдать ожидание девочки.

– Тогда не надо спасать девушку, пусть киллер сделает своё дело, а мы заберём ребёнка и привезём тебе, – гневно, без намёка на страх, провозгласил Сизый. – Или ты дочь, с матерью в могилу положишь?

Одним ударом нокаутирую взорвавшегося Сизого, мужчина падает на пол и становится полностью дезориентирован в пространстве.

Присел на колено и схватив Сизого за грудки, сквозь зубы, процедил, – не забывайся, я тебе не Сокол, нянчиться не буду. – Выполняй свою работу в полной тишине и не смей лезть в мои личные дела.

Сизый провёл пальцем по кровоточащему носу и глядя на меня затуманенными глазами, прохрипел, – твоя проблема в том, что ты не Наташу ненавидишь, а свои чувства к ней. – Ты пытаешься списать всё на ненависть, но там совсем иные чувства, более глубокие, ранее тебе неведомые.

– Пи...ц, ты реально самоубийца, – с иронией в голосе, простонал я. Плавню поднялся и протянул руку Сизому, который, корчась от боли, поднялся на ноги и с сожалением посмотрел на меня.

– Завтра берёшь ребят, и мы едим в аэропорт. Он должен быть отцеплен, чтобы ни однамышь не проскочила, – не глядя на паренька, сухо скомандовал я.

– Будет сделано шеф, – тихо ответил Сизый и покинул кабинет.

Машинально посмотрел на наручные часы и сжал пальцы.

– Чёрт, как же время медленно движется, – фокусируя внимание на стрелке, прорычал я. У меня не хватало терпения, спокойное ожидание напрочь покидало меня.

– Ничего пусть неспешно, зато неотвратимо, но время движется вперёд, – без эмоционально, но с огнём в глазах, произнёс я.

Сам до конца не понимал, что сделаю с Наташей, смогу ли я исполнить свои угрозы, какие чувства возобладают, будет ли моя страсть настолько сильной, что остановит мою руку, которая сожмёт лебединую шейку, так что девочка лишится возможности дышать.

– Эта дрянь, без зазрения совести лишила меня возможности дышать, воздух стал для меня раскалённым, до такой степени, что при каждом вдохе лёгкие обжигаются, – с отвращением подумал я. – Теперь твоя очередь девочка, ответить за свои поступки.

– Любовь, – всплыло в моём сознание необъяснимое для меня слово, которое никогда не употреблял в жизни. – Нет, любовь — это чувство, которое я точно никогда не испытывал и испытывать не буду. Страсть, похоть, вожделение, вот гамма-чувств, которые вызывает у меня своенравная и горделивая девчонка. Но, точно нелюбовь. Да, разве можно желать смерти любимого человека? – сам себе задал вопрос, пытаюсь безуспешно убедить себя, что любви вообще не существует, это только животные инстинкты, особенно в нашем зверином мире.

Глава 5. Наташа

Оправдываться всепоглощающую любовь не имеет, смысла,

Когда сильно бьющее сердце, получает лишь боль,

И томительное мучение!

– Ну вот и всё, жизнь моя, – ласково обращаюсь к дочери.

В аэропорту ощущается напряжение и суета, внимательно озираюсь по сторонам в поисках своего друга.

Внутри усиливается беспокойство, состояние волнения и тревоги, будоражат мой разум, не позволяя расслабиться.

Пытаюсь успокоить внутренне волнение.

– Спокойно Наташа, всё хорошо, ничего плохого не произойдёт, – успокаиваю себя, настраиваю на положительные эмоции.

Глубоко делаю вдох, но интуиция взбудоражена. Чувствую, что за мной следят...

Нет. Это лишь нервы.

Тяжело вздыхаю и крепче прижимаю Варвару к груди, грустно выдыхаю, – что ещё ужасного может произойти в нашей жизни. – Бедная Настя, а дети, – досадные мысли не покидают меня, как не пытаюсь отогнать их, всё тщетно.

Как же такое возможно? Откуда такая несправедливость? Роман и Анастасия столько всего пережили. На их долю выпало безумное количество трудностей. И они стойко со всем справились, сохранили любовь. Убеждала, что и теперь всё будет хорошо. Но надежда колебалась.

– Наташа, девочка, привет, – кричит Сергей. – Я здесь.

При виде Сергея на моём лице появляется радостная улыбка.

Ускоряю шаг и быстро направляюсь в сторону мужчины.

Ну как быстро, насколько это позволяет довесок, в виде чемодана, который значительно замедляет мои спешные движения.

С каждым шагом сердце начинает биться сильнее, в мозгу с бешеным ритмом начинают пульсировать тревога, которая преследовала меня с самого начала, как только самолёт приземлился в аэропорту. И, как оказалось, женское интуиция не подвела меня.

Внезапно за спиной Сергея появляются два человека, крепкого телосложения и невозмутимым, каменным видом на лице.

Инстинкты срабатывают быстрее разума. Но бежать уже некуда. Я в ловушке.

Непроизвольно замедляю шаг, когда ощущаю, внимательный взгляд, за спиной. Останавливаюсь, сильнее вжимая безмятежную малышку в своё тело, как бы опасаясь, что её «вырвут» из моих рук.

Осторожно, с опаской поворачиваю голову и вижу кошмар наяву. Позади меня в величественной непринуждённой позе стоит он. Его густые брови сурово сведены к переносице, загнутые, длинные ресницы, находятся в неподвижном состоянии, чёрные зрачки расширены, а в глазах звериный блеск. Создаётся впечатление, что, если внезапно отключится свет, его чёрные очи будут горечь тёмным огнём. Вот только его пламя не чарует и не завораживает, там нет и намёка на свет или тепло. Его взгляд холодный и колющий, вызывает желание: бежать, прятаться, спастись.

Архангел с надменным выражением лица, поднимает руку вверх, таким образом, приказывая, находящимся рядом охранникам оставаться на месте, сам же уверенной походкой, направляется к нам.

– Не смей, двигаться. Оставайся на месте, – читается в его проницательном взоре.

Разум требует: «беги, беги, БЕГИ...», инстинкты раздражённо и беспомощно умоляют: «спасайся», но вот тело отказывается подчиняться призывам разума. Сильное душевное волнение поглотило меня, лишая способности руководить своими действиями. Обескураженно стою на месте, всё на что способна в данный момент, так это освободить руку, машинально разжимаю пальцы, отпускаю ручку чемодана и перевожу ладонь на сердце. Не чувствую сердцебиения, кажется, что от страха, оно перестаёт биться. Обречённо наблюдая за каждым шагом мужчины, предвкушая, что это мои последние минуты жизни, ещё немного и я попрощаюсь с этим бранным миром, а главное, и самое ужасное обреку своего ребёнка на жизнь без матери.

Архангел подходит ко мне, максимально близко, молча смотрю на опасного человека, от которого зависит моя судьба, не в силах произнести даже слово.

Теряю связь с другими людьми, всё вокруг меркнет, превращаясь в пустоту. Остаёмся только мы, не слышу голосов людей, не вижу ни единого человека не ощущаю запахов, всё внимание фокусируется на враждебном субъекте.

Лютый, холодный, опасный взгляд ничего хорошего не сулит. Лишь боль. Страдания. Трагедию. Архангел по-другому не может. Вся его жизнь – это мрак.

Отрешённо смотрю сквозь мужчину, уверенно, без страха, заявляю, – отойди от меня. Архангел, здесь огромное количество полицейских, стоит мне закричать, как тебя моментально задержат.

На лице мужчины появляется хищный оскал, он переводит огненные глаза на Варвару и его черты меняются, становятся более мягкими, менее застроенными, в глазах не угасает блеск, только теперь в них зарождается нежность и мне даже показалось, что-то ещё. Какое-то более сильное, глубокое чувство, которое идёт из недр самого сердца.

– Кричи, – безэмоционально заявляет он и переводит, на меня взгляд, которой опять наполнился ненавистью и гневом. – Объяснишь сотрудникам правопорядка, почему у тебя поддельные документы. Включая, свидетельство о рождении ребёнка. Они тебя обеспечат транспортом и домом, двоичку впаяют за подлог.

Архангел красочно описывает мои перспективы, что заставляет меня ещё более интенсивнее дышать, жадного поглощать воздух.

Мозг лихорадочно ищет пути решения, но никаких верных предложений выдать мне не может.

Ловушка. Западня. Полная неизбежность.

– Серёжу отпусти, он не виноват, – с тоской прошу я и непроизвольно поворачиваю голову в сторону, где ранее располагался друг. – Не трогай его. Отпусти, – мольба искривилась в голосе, который вибрирует от страха, боли, злости, ненависти.

– Что? – выкрикиваю я и бегло осматриваю здание, отчаянно ища глазами Воробьёва.

Сергей нигде нет...

Без особого желания разворачиваюсь всем телом, к Архангельскому.

– За друга своего переживаешь? – поднимаю голову и вижу наглую ухмылку на лице Архангельского.

Ловлю себя на мысли, что он весьма привлекательный мужчина, харизматичный и обаятельный. Высокого роста, стройный, при этом его фигура достаточно крупная, массивные, широкие плечи, накаченные руки, от него исходила сильная мужская аура. Я перевела взгляд на руки и осознала, что крепкие, сильные, изящные, призванные защищать и оберегать. Но вместо этого он использует свой потенциал на совершение кровавых дел. Его внешность противоречит внутреннему миру, который находится во мраке, душа этого человека погрязла в разврате, сердце ожесточилось, а мышление стало настолько хладнокровным, что не способно принять или даже допустить мысли о милосердии.

– Предателя защищаешь. Сильно, – презрительно произнёс Архангел.

– Он не предатель. Серёжа будет повешен за преданность, нежели за предательство, – решительно без капли сомнения, возразила я.

У самой же появилось подозрительность. Моё эмоциональное состояние давало негативную оценку происходящим событиям, в особенности другу.

Верила другу. Безгранично верила, но как же Архангел узнал обо мне. Всё идеально продумала. Архангельский поверил в мою гибель. Смирился. Что же произошло?

– Правда, а как ты объяснишь, что я так быстро обнаружил твоё местонахождение. Или, может, ты ещё кому-то, сообщила, что прибываешь в страну? – настаивал Архангел, усиливая моё недоверие.

– Дорогая, передай мне малыша, – послышался нежный голос за спиной, и я почувствовала, что на моё плечо опустилась тёплая рука. – Не совершай необдуманных поступков. Никто не причинит тебе вреда и уж тем более красавице-дочке.

Плавнo повернула голову и увидела Ангелину, которая гладила моё плечо, пытаясь успокоить меня.

– Ребёнка передай Ангелине, быстро, – глухо прорычал Архангел и расставил руки по бокам, как бы невзначай отодвигая распахнутую куртку. – И без глупостей, Наташа. Ты и так натворила делов. Расхлёбывать и расхлёбывать полной ложкой.

Наклонила голову и увидела на теле мужчины кобуру.

Непроизвольно сделала несколько шагов назад, наткнувшись на чемодан.

Лихорадочная, судорожная, шальная мысль мелькнула в голове. Бросить всё. Крепко держа ребёнка бежать «куда глаза глядят».

Но как далеко смогу убежать? И кто дал права рисковать жизнью Варвары?

– Не надо. Делай, как говорят, и мы обойдёмся... – Ангелина резко замолкает и встревоженно оглядывает Архангела.

– Без лишних жертв, – мгновенно заканчивает фразу Архангельский и кивком головы указывает Ангелине, чтобы она забрала ребёнка. – Никто не пострадает, Наташа. Выбор за тобой.

– Ты как с оружием прошёл на территорию аэропорта? – свирепо зашипела я. – Окончательно рассудка лишился, решил пристрелить меня в общественном месте? Да! – Голос дрогнул от возгласа. – Это даже для тебя слишком, Архангел.

– Не говори глупостей, – растерянно зашептала Ангелина, – это вынужденные меры защиты. Не усугубляй ситуацию, Наташа. Пожалуйста. Отдай мне ребёнка, – мягко прошептала она. – И никто не пострадает. Всё хорошо, – Ангелина говорила со мной, так словно я потенциальный клиент сумасшедшего дома.

– Я не отдам ребёнка, – безапелляционно заявила я. – Пусть Серёжа вернуться к нам, и мы спокойно уедем. Потом, когда я встречусь с Настей, обещаю, я поговорю с тобой, Алексей.

Приобретая здравомыслия, спокойно предложила Архангелу выбор...

– Ты что, кукла, условия решила выдвигать. Обернись, Наташа, ты не в том положении, чтобы диктовать условия, – с чувством превосходства провозгласил Архангельский. – Не испытывай моё терпение. Ты не в тех условиях, чтобы правила диктовать.

– Умоляю, Наташа, отдай ребёнка и прояви смирение, – прошептала Ангелина и протянула руки. – Умоляю. Пожалуйста. Давай. Будь хорошей девочкой.

Одобрительно покачала головой, Ангелине я доверяла безоговорочно, она единственный человек, который помог в трудную минуту, ничего не прося взамен.

Ангелине доверяла, а вот Архангел не вызывал никакого доверия. Этот мужчина может лишь разрушать. Ломать. Крушить. Но должна заметить, что каким бы жестоким не был Архангельский, дочь не тронет. Варвара – его плоть и кровь.

– Ангел, вручая тебе самое ценное и дорогое, что у меня есть в этой жизни, – промолвила я и, поцеловав мягкую пухлую щёчку дочери, передала малышку. – Береги её. Пожалуйста.

Материнское сердце разрывалось на части. Не знала, что будет дальше. Кто знает, может это наша последняя встреча с Варварой.

Архангел только этого и ждал, он молниеносно подскочил ко мне и мёртвой хваткой, впевившись в моей локоть, прорычал, – теперь я с тобой нянчиться не буду. – Ни звука, поняла, заткнись и в гробовой тишине перебирай своими стройными ножками.

– Серёжа, – прокричала я и попыталась вырвать руку, но мужчина, проигнорировав и мои крики, и мои попытки освободиться, он словно бездушная машина, потащил меня вперёд.

– Лёша, пожалуйста, не трогай безвинного человека, – следуя за Архангельским, жалобно простонала я. – Он ни в чём не виноват. Я виновата. Лишь я, – брала весь удар на себя, покоряясь воле Архангельского.

После услышанной фразы Архангел резко останавливается, причём так неожиданно, что я буквально впечатываюсь в его налитую сталью плоть.

Мужчина выпускает мою руку, но это мнимая свобода, уже через секунду он безжалостно хватает меня за плечи, и так больно сжимает тело, что я машинально взвизгнула, – больно!

– Нет, это не больно, но поверь, ты узнаёшь, что такое боль, – сжимая меня смертельной хваткой, грозно проговорил мужчина и одарил меня хищным, леденящим душу, взглядом. – Ответишь за ту боль, что причинила мне, ядовитая дрянь. Твоя жизнь станет адом. Будешь жить и молить о смерти.

Архангел наклонился ко мне и жёстко озвучил, – запомни и вбей в свою пустую головку. Ты моя, и только я определяю твою судьбу. Если ты продолжишь твердить про своего уе..а, завтра ты примеришь траурную вуаль и будешь со скорбным видом, оплакивать Серёженьку. И ты знаешь, что в отличие от тебя, я не играю со смертью, я её дарю людям. Но в твоих силах, помочь другу. Определить какова будет его участь, примет он страшную смерть мученика или мирно покинет этот мир, скажем во сне.

– Чудовище, ненавижу тебя! Гори в аду! – прокричала я.

Терпеливый человек, но у всего есть границы.

Архангел закрыл ладонью мой рот и максимально близко приблизил своё суровое лицо, позволяя утонуть в его мрачных, тёмных очах, дьявольским голосом проговорил, – я и так в аду. – Так что располагайся поудобнее, вместе будем гореть.

Скользнул рукой по моим губам, спустился к подбородку и сжав его, вынудил поднять голову.

– И запомни ещё одно, я также сильно, неистово ненавижу тебя, – с горящими глазами, хладнокровно заявил он. – Наши чувства взаимны. Даже не думай, что твои слёзы. Крики. Разжалобят меня.

Удручённо усмехнулась. Даже не думала его разжалобить. Как никто иной знала, кто такой Архангел.

– Пошли, – требовательно произнёс Архангел и потащил меня в сторону выхода.

– Чемодан хотя бы позволь забрать, – гневно простонала я, не прекращая попыток вырвать руку.

– Чемодан, а ты уверена, что туда, куда мы сейчас направляемся, он тебе вообще понадобится, – на ходу бросил Архангельский, недвусмысленные намёки.

– Архангел, если ты решил меня убить, то я молчать не буду. Мне терять нечего, – подавшись панике, простонала я, когда мы оказались на улице. – Ты думаешь, тебе так просто сойдёт с рук моя смерть. Нет, – яростно замотала головой, когда мужчина подвёл меня к одной из машин и не отпуская моей руки, начал заталкивать в салон.

– Села в машину и заткнулась, – прохрипел мужчина, когда вырываясь я оказалась в результате весьма в невыгодном положении. Спина, по которой бежал холодный пот и филейная часть упёрлись в могучее тело Архангела. Одной рукой он жёстко зафиксировал мою

талию, другой схватил за шею и обжигая горячим дыханием, прошептал, – не доводи до греха. – Мне и так приходится сдерживаться, чтобы не сломать твою лебединую шейку.

Быстро убрал руку с талии, переместил на грудь, рывком расстегнул лёгкую кофту и по-хозяйски засунул шершавую ладонь под мою футболку. Его рука верно двигалась вверх, скользя по коже живота, поднималась к груди.

– Убери руки, ты похотливое животное, место которого в клетке, – зашипела я, безуспешно пытаюсь, двумя руками удержать руку Архангельского.

Неожиданно его рука замирает у сердца, он еле уловимо касается моей шеи губами и абсолютно серьёзно произносит, – я бессердечный человек, поэтому не заставляй меня, вырывать твоё любящее и трепещущее сердечко из груди.

Внезапный и сильный страх впился острыми зубами в моё сердце, внутренние содрогания поразили все органы, меня пронизывали отчаянье и безнадёжность. Я столкнулась лицом к лицу с чем-то угрожающим, непознаваемым и чужим. Это не человек, он волк, который жаждет мести, это животное не успокоится, пока не окропит землю моей кровью. Архангел принуждает меня ощущать ужас.

– Хорошо, – хриплым голосом произношу я и когда его руки отстраняются от меня, словно безвольная кукла, выполняю веление мужчины.

Быстро запрыгиваю в машину и прижимаю руки к покрасневшимся щекам.

– Двигайся, кукла, – игривым бархатным голосом, скомандовал мужчина.

С подавленным выражением лица посмотрела снизу вверх на мужчину и удивлённо пожав плечами, спросила, – ты разве не поедешь впереди? Я думала, – махнула рукой в сторону переднего пассажирского сидения.

– Да, головушка у тебя действительно прелестная, туда бы мозги и тебе ценны не было, – грозно, с сарказмом прокричал мужчина и толкнул меня вперёд, вновь вынуждая исполнять его приказ.

Передние двери распахнулись и в салон, следом за нами, уселись крепкие мужчины, один вид которых вызывал страх.

– Поехали, – скомандовал Архангел. Водитель молча кивнул, и машина тронулась с места. С интересом посмотрела в зеркало заднего вида, в котором отразилось, как за нами последовали ещё две машины, которые изначально стояли позади.

Архангел снял с себя куртку, в очередной раз демонстрируя нательную кобуру, скрытого ношения.

– Сука, лишний раз, показывает силу, – гневно подумала я и скрестила руки на груди, интенсивно растирая замершие плечи.

– Куртку накинь, не хватало, чтобы ты ещё пневмонию заработала, – грубоватым тоном, проговорил он.

– Да я скорее от страха умру, чем пневмонию заработаю, – охрипшим голосом простонала я. – Сначала смертью угрожаешь, а теперь фальшивую заботу проявляешь. Изодрённую пытку решил устроить, играешь со мной как кошка с мышкой. Более мучительную смерть для меня приготовил, если умру от пневмонии, тебя это очень расстроит.

– Либо сама наденешь куртку, либо это сделаю я, предварительно осмотрев твоё изнеженное тело, на наличие нижнего белья. А то вдруг ты недостаточно утеплиться, особенно те места, которыми думаешь, – плотоядно пожирая меня глазами, произнёс мужчина.

– Чёрт с тобой, – негромко выругалась я.

– Он перед тобой, – лихо ответил Архангел, продолжая поедать меня взглядом, заостряя своё внимание на моей груди, которая была выставлена на обозрение мужчины.

Архангел лениво протягивает куртку, с пренебрежительным видом выхватывая куртку и торопливо натягивая её, но не успела даже застегнуться, как Архангел подобрался близко ко мне и перехватив мою руку, помог застегнуть куртку до самого горла.

Глубоко вдохнула и ощутила горьковатый, стойкий, волнующий запах Архангела.

Мужчина оголил белоснежные зубы и торжествующая, насмешливая улыбка заиграла на довольной физиономии моего мучителя. Он властно провёл рукой по моей голове и, погрузившись пальцами в волосы сжал их, потянув назад, принуждая меня наклонить голову назад, подставляя пухлые губы и придавая шеи дугообразную форму.

– Ты самая настоящая беда на мою голову, – вода носом по моей коже, прохрипел мужчина и резко дёрнул застёжку, которую секунду назад сам же на мне и застегнул.

– Пусти меня, – уверенно скомандовала я. – Мерзавец, предупреждаю, если тронешь меня хоть пальцем, я тебе сама сердце вырву, своими руками, – поднимаю дрожащие руки и решительно возвращаю мужчине, ранее озвученные в моей адрес угрозы.

Издевательский, раскатистый смех Архангела наполняет салон автомобиля.

– С ненавистью и презрением горели мои глаза, обессиленно прижала руки к груди Архангела, пытаюсь оттолкнуть его.

– Я и забыл какой страстный темперамент у моей куколки. Страстные женщины хороши до безобразия! А также во время безобразия и после него, – провёл мягкими губами по моим влажным губам.

– Я не кукла и уж тем более не твоя, ты сумасшедший, чокнутый маньяк, получающий удовольствия от истязаний и мучений своей жертвы, – бесстрашно и необдуманно выпалила я. – Твоё место в клетке, где содержатся дикие звери, а вовсе не среди нормальных людей.

Мужчина мгновенно отстраняется от меня и пронзительно смотрит в мои глаза, сурово сводит и опускает брови, отмечая изменения в области глаз, из-за нависших бровей глаза грозно сужаются и приобретают угловатую, заострённую форму, угрожающей, агрессивный взгляд фокусируется на моём искажённом от ярости лице.

Несмотря на то что мужчина плотно фиксирует моё тело, я выпрямляюсь и с презрением окидываю взглядом Архангела, всем видом наглядно показывая своё негативное отношение к мужчине. На багровых щеках образуются небольшие симметрические углубления, брови приподняты, а губы сомкнуты в одну линию.

Потеряв бдительность, словно замороженная тонула во мраке тёмных очей. Мужчина резко прижался к моим губам, всё произошло так неожиданно, что я не смогла даже своевременно воспротивиться контакту между нами. Хотя кого я обманываю, у меня недостаточно сил, чтобы оттолкнуть Архангела. Такие люди, как он, берут от жизни всё, что хотят, не спрашивая чего-либо разрешения, не волнуясь о чувствах других людей.

– Захотел, пришёл и победил, – удручённо осознала я, пока Архангел бесцеремонно терзал мои губы.

Наши тела плотно прижаты друг к другу, сердце начинает ускоренно биться, а голова начинает понемножечку кружиться. Моё состояние можно сравнить с катанием на карусели, когда качели набирают обороты, у тебя перехватывает дыхание, адреналин вырабатывается в крови, но при этом ты яростно желаешь покинуть их, но сделать это не представляется возможным, так как ремни намертво пристегнули тебя, не позволяя даже минимально изменить твоё местоположение, да это и попросту отстёгивать ремни опасно, вылетишь из качелей, получишь не долгожданную свободу, а только боль и увечья, которые могут быть несовместимы с жизнью.

Губы Архангела были горячими и требовательными, настойчиво царапающими мою нежную кожу. Почувствовала, короткую колкую щетину на подбородке, когда, придя в себя, попыталась оттолкнуть мужчину, судорожно, беспорядочно ударяя Архангела.

В очередной раз мои попытки оказались безуспешными, казалось, что мужчину только сильнее распаляет моё сопротивление. Он опрокинул меня на себя и ещё более страстно, жадно начал поглощать мой рот. Поцелуй получился голодным, сухим и безумно волнующим, каждую частичку моего сопротивляющегося тела.

– Ты моя послушная девочка, – удовлетворённо простонал мужчина в мои полураскрытые губы, прекратив мучительную пытку. Но это была лишь временная передышка, через секунды его губы вновь настигли меня, он уверенно прошёлся языком внутри, наталкиваясь на мой язык. Этот поцелуй оказался более глубоким, откровенным и требовательным.

И также как внезапно он начался, также внезапно он и завершился. Архангел обхватил моё лицо своими грубыми руками и отодвинув меня, прошептал, – ненавидишь! – Только как-то не особо уверенно демонстрируешь презрение. Ты мой порох, я же огонь, который вспыхивает незамедлительно, как только ты оказываешься вблизи меня.

Испытываю острое желание сбежать, спрятаться, только вот не от страха, а от стыда за своё тело, которое повело себя словно предатель, поддавшись вероломному натиску Архангела. На лице появляется багровый румянец, не открываю глаза, опасаясь встретиться с надменным взглядом и победоносной улыбкой Архангела.

– Ты огонь, уничтожающий всё на своём пути, – медленно поднимая веки, прошептала я.

Мужчина бережно опускает свою руку. Облегчённо выдыхаю, обретая долгожданную свободу.

– Ты частичка огня, детка. Скрещивает руки на груди и помпезно разместившись на сиденье, приподнимает подбородок, ярко показывая властную позу.

Бегло озираюсь на охранников, которые неподвижно сидят впереди, умело изображая безразличие.

– Конечно, они привычные к издевательскому поведению, наверняка я не единственная жертва этого окончательно обезумевшего изверга, – с горькой усмешкой кошусь на Архангела и отвожу глаза, когда наталкиваюсь на холодные затуманенные чёрные очи мучителя.

– Почему машина свернула с дороги? – взволнованно спрашиваю я, когда случайно замечаю в зеркало заднего вида, что одна из машин свернула с основной дороги, на просёлочную.

Поворачиваю голову и вижу, что действительно за нами теперь следует только одна машина.

Перевожу рассерженный взгляд на Архангела, который спокойно сидит на месте, погружив одну руку в карман своих брюк, другой вальяжно проводит по подбородку.

– Архангел, ответь, куда мы едим? – как можно равнодушнее, насколько позволяет ситуация, спрашиваю я.

– Куда? Домой, – сдержанно отвечает мужчина и со скучающим видом пожимает плечами.

– Мы едим в мою квартиру? – с недоверием, интересуюсь я. Понимая, что Архангел так просто не отпустит меня, обязательно устроит наказание, только вот в чём оно будет выражено.

– Варя, – как ножом по сердцу, режет мысль о моей дочери. – Конечно, этот ублюдок, забрал мою дочь, он похитил её и теперь будет шантажировать меня, зная, что ради ребёнка я пойду на что угодно.

– Сукин сын, в машине, что свернула с дороги, там была моя дочь? – активно жестикулирую в сторону едущей за нами машины, впиваясь острыми, словно бритва, ногтями в ладони.

– Да, – сухо и безучастно, подтверждает мои опасения Архангел. От слепой жуткой паники начинаю усиленно поглощать кислород, пытаюсь выровнять дыхание.

– Лёша, не вмешивай мою дочь, в свои мстительные планы. Варя, невинное дитя, которое ты подвергаешь опасности, – всячески пытаюсь вразумить мужчину.

– Это ты подвергаешь мою дочь опасности, сбежав от меня, ты девочка перешла кому-то дорогу, да так, что за тобой следует профессиональный киллер, – почти прорычал страшным голосом Архангел.

Безрадостный смешок сорвался с моих губ, снисходительно покосилась на мужчину и язвительно проговорила, – ещё что придумаешь? – Ты уже не знаешь, как ещё меня запугать,

вот и сочиняешь небылицы. Какой киллер, какие убийства, в моей мирной жизни, даже слова такие не произносятся.

– Ты права, твоя душа нашла покой и мир, а теперь..., – поворачивает голову в мою сторону и проводит пальцем по моим губам. Брезгливо отталкиваю руку и ненавистно смотрю на мужчину.

Тишина, молчание, недосказанность угнетает меня, не выдерживаю и, поборов свои страхи, приближаю свою лицо к мужчине, так близко, что наши носы почти соприкасаются, высокомерно спрашиваю, – договаривай, что смелости не хватает?

– И твоё тело будет покоиться с миром в саркофаге, а на поверхности земли будет возвышаться мраморный памятник, на котором выгравирован портрет с живой улыбкой, но потухшими глазами. Поверь Наташа, ты будешь по

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.